

Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости.

№ 21.
Цѣна съ пересылкой
4 р. 50 к.
Отдѣльно № 25 к.

ВЫХОДЯТЪ
ДВА РАЗА
въ мѣсяцъ.

1 Ноября.
АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
НОВГОРОДЪ.
Редакція «Епархіальныхъ
Вѣдомостей»

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Въ № 43 Церковныхъ Вѣдомостей напечатанъ Высочайшій Манифестъ объ усовершенствованіи Государственного порядка и состоявшееся по нему опредѣленіе Св. Синода, на что и обращается вниманіе духовенства епархіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 16 день Юня текущаго года, сопричислить протоіерея Успенской Березорядской церкви, Валдайскаго уѣзда, Антонія Кедринскаго, по случаю исполнившагося 50-лѣтія служенія его въ священномъ санѣ, къ ордену Св. Владиміра 4-й степени.

Резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 26 сентября за № 4439, священникъ Іоанно-Богословской Леушинскаго монастыря въ С.-Петербургѣ церкви Николай Гронскій, за усердное служеніе въ храмѣ и доброе поведеніе, награжденъ набедренникомъ.

Преподается Архипастырское Его Высокопреосвященства благословеніе.

Тихвинскому купцу Ивану Шиженскому, за пожертвованіе облаченій въ Шиженскую церковь на сумму свыше 100 рублей.

Крестьянину Андрею Иванову, за пожертвованіе въ ту же Шиженскую церковь полнаго облаченія для священника и діакона, стихаря для псаломщика и другихъ мелкихъ вещей, всего на сумму свыше 100 рублей.

Предсѣдателю приходскаго попечительства Чудской церкви, Череповскаго уѣзда, крестьянину Ивану Дураничеву, за изысканіе средствъ на устройство каменнаго зданія для помѣщенія двухклассной и женской церковной школы.

Крестьянамъ Давиду Аксенову и Ивану Аксенову, за пожертвованія на нужды той же Чудской церкви.

Демянскимъ купцамъ Матвѣю Смирнову, Петру Шираеву, Карпу Смирнову, Стефану Фоминскому и крестьянину Ивану Павлову, за ихъ пожертвованія въ Кневицкую церковь, Демянскаго уѣзда.

Псаломщику Воскресенской Чудско-Борской церкви, Новгородскаго уѣзда, Александру Мисайловскому, за исправное прохожденіе своей должности и скромное поведеніе.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

На праздное священническое мѣсто къ Елизаровской церкви Череповскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ ученія въ Новгородской духовной семинаріи Алексѣй Мудролюбовъ, 10 октября.

Діаконъ на псаломщической вакансіи Богоявленской Анюгской церкви, Череповскаго уѣзда, Филиппъ Примовъ уволенъ

за штатъ и на его мѣсто назначенъ псаломщикъ Бобруйскаго—военно-крѣпостнаго собора Павелъ Мудролюбовъ съ возведеніемъ его въ санъ діакона, 2 октября.

На праздное псаломщическое мѣсто къ Валдайской градской Введенской церкви опредѣленъ учитель Сычевской школы, Старорусскаго уѣзда, Павелъ Мальцевъ, 8 октября.

Псаломщикъ Косицкой церкви, Новгородскаго уѣзда, Иванъ Орловъ, по прошенію, уволенъ заштатъ, а на его мѣсто опредѣленъ окончившій курсъ ученія въ Новгородской духовной семинаріи Юліанъ Нильскій, 12 октября.

На праздное псаломщическое мѣсто къ Лукинской церкви, Устюжнскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ 4-хъ классовъ Новгородской духовной семинаріи Алексѣй Николаевскій 14 октября.

Псаломщикъ Лѣшенской церкви, Старорусскаго уѣзда, Иванъ Констанскій уволенъ отъ должности псаломщика, а на его мѣсто опредѣленъ воспитанникъ 2 класса Новгородской духовной семинаріи Порфирій Бронзовъ, 15 октября.

Псаломщикъ Ефремовской церкви, Старорусскаго уѣзда Викторъ Вознесенскій, по прошенію, уволенъ отъ должности псаломщика, на его мѣсто перемѣщенъ псаломщикъ Яжелбицкой церкви, Валдайскаго уѣзда, Василій Вознесенскій, а къ Яжелбицкой церкви опредѣленъ бывшій воспитанникъ 3 класса Новгородской духовной семинаріи Владиміръ Гуторовичъ, 14 октября.

На праздное псаломщическое мѣсто къ Любынской церкви Старорусскаго уѣзда, опредѣленъ бывшій учитель Марево-Успенской церковно-приходской школы, Демянскаго уѣзда, Сергій Кудряшевъ.

Праздныя вакансіи.

Священническія: При Великосельской церкви, Череповскаго уѣзда, Чирецкой—Устюжнскаго уѣзда и Хмѣлевской Демянскаго уѣзда.

Діаконскія: При Устволенской церкви, Крестецкаго уѣзда, и при Парфинской—Старорусскаго уѣзда.

Псаломщическія: При Устюжнской градской Казанской церкви.

Редакторъ официальной части

Секретарь Консисторіи *Д. Андреевъ.*

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Къ свѣдѣнію сотрудниковъ.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются бесплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, невосстребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

С Л О В О

по случаю обнародованія Высочайшаго Манифеста о заключеніи мира съ Японіей. *)

Такъ говоритъ Господь, Искупитель твоей Святой Израилевъ: Я Господь Богъ твой, обучающій тебя полезному, ведущій тебя по тому пути, по которому должно тебѣ идти. О, еслибы ты внималъ заповѣдямъ Моимъ! тогда миръ твой былъ бы какъ рѣка, и правда твоя—какъ волны морскія! (Исаіи 48, 17—18).

Кончилась война! Кончились ея страшные ужасы: пораненія, калѣченія, убійства десятковъ тысячъ людей!...

Мы, мирные граждане, жившіе на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ отъ поля брани, не слышали грохота оружія, треска разрывныхъ снарядовъ, не видѣли тонувшихъ кораблей, разрушаемыхъ городовъ, горящихъ селеній; страданія изувѣченныхъ, предсмертные хрипы умирающихъ не доходили до нашихъ глазъ и слуха—и потому мы не можемъ представить себѣ всѣхъ ужасовъ ея.

*) Сказано въ Антоніевомъ монастырѣ за литургіей 9 октября 1905 г.

18 мѣсяцевъ съ лишнимъ продолжалась война. 18 мѣсяцевъ наши братья—воины, перенося холодъ и голодъ и всѣ невзгоды походной жизни, стояли лицомъ къ лицу къ смерти, будучи каждую минуту готовы отдать свою жизнь за отчизну. Мы всѣ читали объ ихъ подвигахъ, объ удивительной храбрости, до слезъ восторгались ихъ изумительнымъ мужествомъ!...

Много героевъ, но—ни одной побѣды!... „Побѣдоносное“ русское воинство, оказывавшее нѣкогда чудеса храбрости, терпѣло только пораженіе за пораженіемъ и, сокрушившее ранѣ армію „дванадцати языкъ“, принуждено было отступать предъ малочисленнымъ азіатскимъ народомъ безъ прошлаго исторіи...

Что это? Дѣло случая или рука Промыслителя?!

Всего нельзя объяснить случайностью, нашею неподготовленностью къ войнѣ или безталанностью, какъ хотятъ объяснять многіе. Если, по слову Христову, маленькая птичка не упадетъ на землю безъ воли Отца Небеснаго (Мѡ. X, 29), то такіа великіа событія не могли совершаться помимо или вопреки Божественной волѣ. Тутъ не случай, а судъ Божій, возмездіе за наши тяжкіе, безчисленные грѣхи—за богоотступничество и отпаденіе отъ Церкви Христовой, за нравственную распущенность и безсердечіе, за гордость и себялюбіе, за корыстолюбіе и лѣнь.

Развѣ мы не молились Богу съ колѣнопреклоненіемъ, прося Его укрѣпить наше войско и даровать побѣду надъ врагами кроткому и поистинѣ благочестивому Царю нашему?! Или не горячи были слезы матерей и престарѣлыхъ отцовъ, отправлявшихъ въ битву сына своего—опору своей старости?! Или не доходилъ до неба плачъ и стонъ осиротѣвшихъ вдовъ и дѣтей?! Или ужъ нѣтъ нынѣ на св. Руси и десяти праведниковъ, ради которыхъ Господь, готовый нѣкогда простить развращенные города Содомъ и Гоморру (Быт. XVIII, 13—33), не помиловаль народа Своего?!...

Нѣтъ, слышалъ, конечно, Господь вопль земли нашей, знаетъ и избранныхъ Своихъ, но не пришелъ избавить насъ!

Не пришелъ избавить, потому что нынѣшнее моленіе наше къ Богу—быль только вынужденный крикъ безпечныхъ людей, оказавшихся въ опасности. Мы стали похожи на тѣхъ людей, о которыхъ Господь со скорбію говорилъ: *они оборотили ко Мнѣ спину, а не лице; а во время бѣдствія своего будутъ говорить: „встань и спаси насъ!“* Гдѣ же бои твои, которыхъ ты сдѣлалъ себѣ?—пусть они встанутъ, если

могутъ спасти тебя во время бѣдствія твоего (Іер. II, 27—28). У насъ множество божествъ, къ которымъ привязаны наши мысли и сердца, въ которыхъ мы вѣровали больше, чѣмъ въ Евангеліе: мы полагались на свою силу, гордились своимъ величіемъ, видѣли спасеніе свое въ „европейской культурѣ“, уповали „на науку и прогрессъ“,—а Бога отцовъ оставили—и вотъ пожинаемъ плоды—пораженія и стыдъ!...

Не пришелъ Господь помочь намъ потому, что наше обращеніе къ Нему въ нынѣшней войнѣ было далеко не всеобщее и не покаянное, какъ у предковъ нашихъ въ подобныхъ случаяхъ назначавшихъ всенародный постъ и покаяніе. Когда тамъ, на полѣ брани, лилась кровь человѣческая, здѣсь по прежнему въ веселыхъ компаніяхъ рѣкою лилось вино! Когда тамъ тысячи нашихъ братьевъ растерзанные, разорванные на куски умирали въ страшныхъ мукахъ душевной скорби о своей родинѣ и семьѣ, здѣсь попрежнему гремѣла музыка! Когда тамъ терпѣли всякія лишенія, здѣсь не хотѣли отказать себѣ ни въ одномъ удовольствіи, ни въ одномъ развлеченіи, иногда весьма дорогомъ и безсмысленномъ! Тамъ часто безъ сна и безъ пищи выдерживали безумный натискъ враговъ, а здѣсь „свѣтъ“ нашъ, жрецы науки, многочисленныя школы, получая послѣднія народныя деньги, упорно бездѣйствовали! Тамъ охотно отдавали свою жизнь за Царя и родину, а здѣсь избивали вѣрныхъ царскихъ слугъ и всю землю наполнили крамолою и смутою?!. Это ли сознаніе нашей грѣховности предъ Богомъ? Это ли плоды покаянія?!. Это ли народное моленіе?!. Что же дивиться послѣ сего, если Господь не внялъ ни горькимъ слезамъ обездоленныхъ родителей и дѣтей, ни молитвамъ нашихъ праведниковъ, которые несомнѣнно есть еще въ лоноѣ Православной Церкви, въ нѣдрахъ народныхъ?!..

Въ жизни народовъ бываютъ такія времена, что даже предстательства великихъ Своихъ угодниковъ Богъ не хочетъ принимать за народъ, противящійся Ему, забывающій Его великія милости отцамъ своимъ.

Ты не проси за этотъ народъ, говорилъ Господь избранному отъ чрева матери пророку Своему Іереміи, скорбѣвшему о несчастіяхъ народа и надвигающейся гибели Іерусалима,— *ты не проси за этотъ народъ и не возноси за нихъ молитвы и прошенія, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя* (Іер, VII, 16), *не услышу, когда они будутъ взывать ко Мнѣ въ бѣдствіи своемъ* (Іер. XI, 14).

Самые небожители, предстоящіе престолу Божію, иногда безсильны отвратить праведный судъ Божій надъ народомъ, незаконнующимъ день и ночь. О томъ же жестоковѣйномъ народѣ іудейскомъ Господь сказалъ тому же пророку: *хотя бы предстали предъ лице Мое Моисей и Самуилъ, душа Моя не приклонится къ народу сему; отioni ихъ отъ лица Моего — пусть они отойдутъ!* (Іерем. XV, 1) Какое ужасное положеніе! Это смертный приговоръ народу! *Отioni ихъ отъ лица Моего — пусть они отойдутъ!* Если же скажутъ тебѣ, повелѣваетъ далѣе Господь пророку, „куда намъ идти?“ то скажи имъ: *такъ говорилъ Господь: кто обреченъ на смерть, иди на смерть; и кто подъ мечъ, — подъ мечъ; и кто на голодъ — на голодъ; и кто въ плѣнъ, — въ плѣнъ* (ст. 2)!...

На смерть, подъ мечъ и въ плѣнъ пошли многіе наши братья — воины, претерпѣвши лишенія и не имѣя утѣхи въ побѣдѣ!...

Но судъ Божій кончается: заключенъ миръ. Выгодный или невыгодный, почегный или позорный миръ — объ этомъ не въ храмѣ Божіемъ разсуждать. Христіанство есть религія мира и хотя мы по нуждѣ благословляемъ оружіе, но ежедневно въ церкви молимся о мирѣ всего міра и по христіанскому чувству не можетъ не радоваться, что кровопролитіе прекратилось, что люди перестали убивать другъ друга!

Да будетъ вѣчная память вамъ, наши доблестные воины, положившіе за насъ жизнь свою! Вѣчная, святая память вамъ за ваше терпѣніе, скорби и мученія, за вашу беззавѣтную любовь къ Царю и Родинѣ! Въ глубинѣ океана, въ пучинѣ морской или на равнинахъ и горахъ далекой чужбины уснули вы вѣчнымъ сномъ до радостнаго Воскресенія. Не перекрестила васъ въ послѣдній часъ родная мать, не пѣли надъ многими изъ васъ надгробнаго пѣнія, нѣтъ креста на могилкахъ вашихъ, чего не лишень здѣсь и послѣдній нищій, но издали мы покланяемся до земли вашему *собственному* святому кресту — вашимъ скорбямъ, мукамъ, вашему самоотверженію!... Да будетъ нынѣ миръ и вашей душѣ; да воздастъ вамъ Господь вѣнцы нетлѣнія въ день послѣдняго суда!

Многая лѣта Тебѣ, нашъ Православный Царь Батюшка! Ты былъ всегда поборникъ мира и искренній противникъ войны. Ты и теперь не хотѣлъ ея, но дерзкій врагъ заставилъ Тебя взяться за оружіе, которое Ты положилъ сразу, когда тотъ смирился!

Многая лѣта тебѣ, Всероссійское воинство! Не твоя вина, что ты, привыкши побѣждать, терпѣло нынѣ пораженія: это вина общая, всесловная, всенародная; это праведное возмездіе Божіе за грѣхи христіанской страны, ставшей полуязыческою!..

Наша обязанность теперь, во дни наступившаго мира, исправить свои ошибки, загладить грѣхи, направить всѣ силы свои на свое нравственное обновленіе, на укрѣпленіе духа, на созиданіе внутренней мощи, почерпаемой и питаемой только отъ Святаго Животворящаго Духа въ Церкви Христовой. Страна объединенная, возрожденная духовно, осѣняемая десницею Бога, будетъ для врага крѣпче стали и брони, грознѣе стотысячной арміи.

Прочность мира съ бывшими врагами, его благотворность для внутренней жизни государства и широкая плодотворность для всѣхъ слоевъ общества зависятъ отъ насъ самихъ, отъ нашего духовнаго богатства и нравственной крѣпости—вѣрности Богу и хожденія въ законѣ Господнемъ, ибо такъ говоритъ Господь, Искупитель твой, Святыи Израилевъ: о, если бы ты внималъ заповѣдямъ Моимъ! тогда миръ твой былъ бы какъ рѣка, и правда твоя—какъ волны морскія!..

Ректоръ семинаріи Архимандритъ Серій.

С Л О В О

въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая II *).

Вотъ, Господь, Господь Саваоѳъ, отниметъ у Иерусалима и у Иуды посохъ и трость, всякое подкрѣпленіе хлѣбомъ и всякое подкрѣпленіе водою, храбраго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливца и старца,—и дамъ имъ отроковъ въ начальники, и дѣти будутъ господствовать надъ ними. И въ народъ одинъ будетъ угнетаемъ другимъ, и каждый—ближнимъ своимъ, юноша будетъ нагло превозноситься надъ старцемъ и простолюдинъ надъ вельможею. (Исаіи III, 1—5).

Кажется, ни одно мѣсто свящ. Писанія не характеризуетъ такъ полно и вѣрно современное состояніе русской общественной

*) Сказано въ Новгородскомъ Софійскомъ кафедральномъ соборѣ за Литургіей 21 октября 1905 г.

жизни, какъ приведенная сейчасъ вдохновенная рѣчь великаго Исаи. Созерцавъ бѣдствіе опустошенія, грядущее на Іерусалимъ и землю іудейскую, пророкъ видѣлъ словно наши печальные дни всеобщаго смятенія и унынія.

Жизнь народовъ складывается по однимъ законамъ Провидѣнія и царства человѣческія часто переживаютъ совершенно одинаковую судьбу. Когда въ народѣ есть страхъ Божій, крѣпка вѣра въ Бога, живо сознаніе братской любви къ людямъ, почитанія власти, уваженія къ законамъ и порядку, то вся народная жизнь проникается высокими духовными началами религіознаго одушевленія и гражданской доблести, честности, самоотверженія. Этотъ нравственный подъемъ народной души, это просвѣтленіе народной совѣсти во всѣхъ сферахъ общественной жизни сказывается появленіемъ, какъ Божіихъ избранниковъ, даровитыхъ талантливыхъ дѣятелей, вдохновенныхъ, энергичныхъ, богобоязненныхъ. Но лишь только вѣра въ Бога начинала въ обществѣ охлаждаться, какъ нравственность, естественно, падала, свѣтлые идеалы тускнѣли, мысль мельчала, сердце суживалось и грубѣло, а отсюда—ослабѣвала духовная мочь народа, разрушалась его внутренняя цѣльность и неизбежно начиналось распадѣніе великихъ державъ. Гдѣ древняя богатая Финикія? Гдѣ Египетъ съ его мудрецами? Гдѣ роскошный Вавилонъ съ его висячими садами? Гдѣ всесвѣтная Римская имперія и христіанская Византія?!..

И если паденіе языческихъ государствъ было прямымъ слѣдствіемъ упадка народной нравственности, то въ народахъ, исповѣдающихъ истиннаго Бога, оскудѣніе духовныхъ силъ и талантовъ, ослабленіе власти и безначаліе, со всѣми ихъ послѣдствіями, было всегда явнымъ наказаніемъ Божіимъ за великіе грѣхи общества—отступленіе отъ Бога, нарушеніе заповѣдей Господнихъ, презрѣніе родной старины, грубое себялюбіе и гордость. Судъ Божій надъ народомъ часто совершается чрезъ самый же народъ—чрезъ его страсти: пьянство, распутство, роскошь, чрезъ его политическія заблужденія и смуты или чрезъ отнятіе у народа тѣхъ силъ, тѣхъ столповъ, которыми поддерживалось благосостояніе народа.

Вотъ, Господь, Господь Саваоѳъ, отниметъ у Іерусалима и Іуды посохъ и трость, всякое подкрѣпленіе хлѣбомъ и всякое подкрѣпленіе водою, храбраго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливца и старца, пятидесятника и вельможу и совѣтника, и мудраго художника и искуснаго въ словѣ.

Русь Святая! „Новый“ Иерусалимъ, Израиль „по благодати“! Гдѣ твои храбрые вожди, которые ранѣе водили войска свои только на побѣду?! Гдѣ твои судьи, охранители законовъ, и пророки, проповѣдники нелицепріятной правды Божіей?! Куда дѣвались прозорливцы твои, проникавшіе зоркимъ окомъ ума своего въ глубину судебъ твоихъ, и старцы совѣтники, сильные вразумить тебя?! Какъ это надломился „посохъ“ твой и погнулась „трость“ твоя?! На что опереться, чѣмъ утѣшаться намъ, любящимъ тебя, какъ родную мать?! Чѣмъ смочь тебѣ въ нынѣшней бѣдѣ твоей?!

Кругомъ туманъ, атмосфера удушливая, сжимающая сердце: давняя измѣна многихъ русскихъ Богу переходитъ у нѣкоторыхъ въ явное нарушеніе Божественныхъ установленій и противленіе власти; страшная спутанность нравственныхъ понятій, воспитываемыхъ въ отчужденіи отъ Христа и Церкви Его, привела къ смѣшенію добра и зла, къ признанію пригодности всякихъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей; анархія мыслей стала анархіей дѣла. Вездѣ смута, повсюду безпорядки; многочисленныя учебныя заведенія второй годъ не занимаются; пути сообщенія прерваны; каждый день приноситъ извѣстія объ убійствахъ, насиліяхъ, грабежахъ; мирные граждане и труженики всякую минуту должны опасаться погрома толпы... И вотъ во дни-то такихъ волненій и глубокаго смятенія общества не слышно ободряющаго голоса, не видно крѣпкой спасающей руки. Отняты у насъ на это тяжкое время „крѣпость хлѣба“ и „крѣпость воды“, храбрые вожди и законники—судьи, святые прозорливцы и искусные въ словѣ!..

Божественное откровеніе свидѣтельствуется, что когда люди забываютъ Бога *въ разумъ* и хотятъ устраивать свою жизнь и радости безъ Бога, то Богъ предастъ ихъ *въ неискусенъ умъ творити неподобная*, дѣлать то, что служить ко вреду и безчестію ихъ (Рим. I, 21—32). Это превращеніе ума, ведущее къ извращенію порядковъ жизни—одно изъ самыхъ постыдныхъ наказаній Божіихъ для народовъ, достигшихъ славы и могущества.

И дамъ имъ отроковъ въ начальники и дѣти будутъ господствовать надъ ними! Такъ грозно говорилъ нѣкогда Господь объ іудеяхъ, судясь съ этимъ жестоковѣрнымъ народомъ, въ которомъ, по выраженію пророка, *отъ подошвы ноги до темени головы не было здороваго мѣста* (Ис. I, 6). Такъ нынѣ Онъ, Правосудный, хочетъ поступить и съ нами, забывшими волю Его, оставившими вѣру отцовъ.

И дамъ имъ отроковъ въ начальники и дѣти будутъ господствовать надъ ними! За то, что они оставили пути Моя, пошли по волѣ сердець своихъ, за то, что они презрѣли Кровь Мою сами и сыновей своихъ отвращаютъ отъ Меня, Я предамъ ихъ *превратному уму*, сдѣлаю ихъ „притчею во языцѣхъ“, посмѣшищемъ среди народовъ. Пусть начальствуютъ надъ ними отроки и угнетаютъ ихъ! Пусть дѣти ихъ господствуютъ надъ ними и воздають имъ за зло ихъ!..

Нужно ли доказывать, что этотъ судъ Божій надъ нами уже совершается? Во многихъ семьяхъ христіанскихъ у насъ на Руси заповѣдь Господня о почитаніи родителей и старшихъ нынѣ получила обратное примѣненіе: не дѣти обязаны чтить отца своего и мать свою, кротко подчиняясь ихъ слову и власти, а родители спѣшатъ слушаться дѣтей, боясь ихъ дерзости и выходокъ... Сплошь и рядомъ бываетъ, что мать, болевшая чревоношеніемъ, съ великими заботами и лишеніями вскормившая сына, на старости лѣтъ терпитъ отъ него побои, изгоняется вонъ изъ дома, и отецъ состоятельныхъ дѣтей у чужихъ пороговъ со слезами проситъ кусокъ хлѣба. Если этотъ ужасъ чаще бываетъ въ простомъ народѣ, то въ городскихъ образованныхъ слояхъ общества власть дѣтей надъ отцами можно наблюдать въ другихъ проявленіяхъ. Здѣсь часто бываетъ полное порабощеніе мысли отцовъ легкомыслію сыновей и подчиненіе ихъ воли иногда видимо неразумнымъ требованіямъ юнаго дѣтища. Въ недавній періодъ уличныхъ манифестацій, устраивавшихся учащимися почти по всѣмъ городамъ, родители ихъ собирались на совѣты и постановляли только объ одномъ—просить губернскую власть, чтобы полиція не касалась демонстрантовъ: къ великой скорби ни разу не приходилось ни читать, ни слышать, чтобы гдѣ-н. родители твердо рѣшили—повліять на своихъ дѣтей, разъяснить имъ ихъ обязанности, убѣдить ихъ не прибѣгать къ уличнымъ беспорядкамъ, какъ дурному средству проявленія своихъ чувствъ. Своеволіе дѣтей нынѣ въ порядкѣ вещей: имъ принадлежитъ и власть и сила...

Дамъ имъ отроковъ въ начальники, и дѣти будутъ господствовать надъ ними! Высшая сила на землѣ—свѣтъ Истины, сила знанія. Кто теперь управляетъ нашими учебными заведеніями, откуда долженъ разливаться этотъ свѣтъ, облагораживающій человѣчество? Мужики науки, любители просвѣщенія, отдавшіе книгѣ жизнь свою?! Нѣтъ! Управляютъ ими юноши, не желающіе учиться. Они, какъ начальники, сегодня поста-

новляють открыть школу, а завтра рѣшаютъ прекратить занятія. Нынѣ они слушаютъ учителя, а черезъ день—два, по случайному впечатлѣнію или по нетерпимости къ чужому мнѣнію, требуютъ моднымъ „бойкотомъ“ его удаленія. Трудно понять происходящее... И такому произволу юношей, забывшихъ свой долгъ и положеніе, никто не хочетъ поставить границъ: родители, если и искренно не сочувствуютъ поведенію дѣтей, то только мучатся въ душѣ, не давая твердаго общаго отпора, строгой оцѣнки образовавшемуся теченію; воспитатели и наставники, если и убѣжденно противостоятъ иногда „забастовкамъ“ учащихся и превращенію учебныхъ заведеній въ мѣста политическихъ сходовъ, то остаются въ борьбѣ съ толпою одинокими, нравственно обезсиленными систематическою давнею травлею школъ, черною клеветою, сплошнымъ порицаніемъ педагогическаго искусства въ печати и обществѣ. Словно нарочито все направляется къ тому, чтобы расшатать устои жизни, выхватить власть изъ законныхъ рукъ и отдать ее на улицу...

И дамъ имъ отроковъ въ начальники, и дѣти будутъ господствовать надъ ними! Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ и люди начали жить правильною государственною жизнью, считалось необходимымъ, чтобы народными вождями, совѣтниками, судьями и правителями были люди, умудренные опытомъ жизни, а у насъ таковыми объявили себя юноши. Они выступили впередъ и, оставивши свое прямое дѣло—дѣло ученія, подготовленія себя къ честному, разумному служенію родинѣ, взяли за несвойственное имъ дѣло устроенія общественной жизни, за реформу государственныхъ учрежденій, за составленіе законовъ и управленіе страной. И теперь, когда рѣчь идетъ о чемъ-н. важномъ въ народной жизни, общество прислушивается не къ совѣту старцевъ, а справляется съ мнѣніемъ „молодежи“ и это мнѣніе, часто непродуманное и незрѣлое, готовы считать за законъ жизни, готовы окончательно отдать юношамъ и жезлъ правленія и посохъ духовнаго руководства народными массами...

Но долго ли все это будетъ? Долго ли продолжится это страшное Божіе поущеніе—начальствованіе отроковъ и господствованіе дѣтей, причинившее родинѣ столько бѣдъ?! Какъ разсѣется мрачная туча, нависшая надъ нашимъ отечествомъ. Когда прекратятся эти безконечныя „забастовки“ служащихъ и не служащихъ, эти грубыя насилія надъ совѣстію и свободою ближнихъ, надъ желающими работать? Когда окончатся страданія ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ гражданъ?!

Будемъ молиться, чтобы Господь умилосердился надъ нами, грѣшными, и *возвратилъ намъ радость спасенія*: далъ намъ храбрыхъ вождей и воиновъ, правдивыхъ судей и проповѣдниковъ истины, мудрыхъ совѣтниковъ и прозорливыхъ старцевъ и *возвеселилъ силою Своею* Благочестиваго Царя нашего, глубоко скорбящаго о нестроеніи земли.

Новый Царскій манифестъ (17 октября), даровавшій широкую свободу народу, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ умиротворенію страны, къ укрѣпленію въ ней порядка, къ честной работѣ на пользу родины.

Сжальтесь, добрые русскіе люди, надъ великою страдалицей родной землей, землей, собранной древними князьями и царями съ великимъ трудомъ, политою кровью и потомъ предковъ нашихъ и исхоженною ногами Святыхъ! Придите, поработайте надъ обновленіемъ ея: надъ прекращеніемъ въ ней „неслыханной смуты“, надъ охраненіемъ въ ней вѣковыхъ историческихъ основъ — Православія, самодержавія и народности, надъ возрожденіемъ въ ней духа христіанскаго братолюбія и благочестія; раздѣлите труды Царя, ни въ чемъ не ослабляя Его Богодарованной власти, утвердите свободу народа, отнюдь не колебля престола Русской Державы. Престолы же земныхъ Царей крѣпко стоятъ только тогда, когда люди съ вѣрою и любовію поклоняются Алтарю Господню. Аминь.

Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Серій*.

Изъ жизни и исторіи епархіи.

Къ событіямъ дня.

Телеграммы несутъ въ послѣдніе дни отовсюду извѣстія о погромахъ и о кровавыхъ столкновеніяхъ между собою группъ различныхъ политическихъ убѣжденій. Не обошлось безъ погрома и въ нашемъ Новгородѣ. Въ субботу, 22 октября, и въ воскресенье, 23 октября, манифестантами разгромлены мужская и женская гимназіи, реальное училище, губернская земская управа и нѣкоторые частные дома. Находилась подъ страхомъ и наша семинарія, такъ какъ 22 октября въ толпѣ раздавался призывъ и къ ея разгрому. Событія времени заставляютъ съ

полнымъ вниманіемъ отнестись къ опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 22 октября 1905 года. „За небытіемъ сего числа засѣданія въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, членамъ онаго докладывано въ домахъ по поводу поступившихъ свѣдѣній о прискорбныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ средѣ московскаго населенія послѣ прочтенія 16 сего октября въ столичныхъ храмахъ напечатаннаго и разосланнаго по распоряженію московскаго епархіальнаго начальства поученія подъ заглавіемъ: „Что намъ дѣлать въ эти тревожные дни“. Приказали: усматривая въ нѣкоторыхъ частяхъ сего поученія какъ бы призывъ мѣстнаго населенія къ самозащитѣ въ области политическихъ убѣжденій, что при одностороннемъ толкованіи могло послужить причиною междоусобнаго раздора среди населенія, проявившагося даже въ самыхъ храмахъ, и имѣя въ виду, что пастыри Православной Церкви, призванные по заповѣди Спасителя къ дѣйствованію въ духѣ мира и любви, не могутъ оставаться безучастными къ современному нравственному состоянію своей пасты, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить епархіальнымъ преосвященнымъ пригласить подвѣдомственное имъ духовенство употребить все свое пастырское воздѣйствіе къ устраненію междоусобія среди населенія, поучая его въ своемъ поведеніи и въ отношеніяхъ своихъ къ ближнимъ дѣйствовать въ духѣ христіанскаго всенароднаго братолюбія; о чемъ, для исполненія по духовному вѣдомству, напечатать въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“, сообщивъ о такомъ постановленіи для напечатанія и редакціи „Правительственнаго Вѣстника“ (Нов. Вр.). Это опредѣленіе Св. Синода составляетъ замѣчательный документъ. Всѣхъ сыновъ Православной Церкви оно призываетъ терпимо относиться ко всякимъ политическимъ убѣжденіямъ, а духовенство въ своей *пастырской* дѣятельности, по этому призыву Св. Синода, должно стать выше политики, должно отселѣ дѣйствительно усвоить и провести въ свои *пастырскіе* взгляды исповѣданіе своего Пастыреначальника Христа: „Царство Мое не отъ міра сего“. Священникъ отселѣ долженъ стать, какъ пастырь, на ту точку зрѣнія, которую высказывалъ одинъ западный проповѣдникъ (кажется, Берсье), говорившій въ одной изъ проповѣдей: вотъ между вами, здѣсь присутствующими, есть люди разныхъ политическихъ убѣжденій—монархисты, республиканцы и т. д.; но для меня каждый изъ васъ не членъ известной политической партіи, а членъ единой Христовой Церкви и всѣ вы одинаково близки моему сердцу. Хвала Создателю! Отселѣ

духовенство не будетъ плакать, какъ плакалъ одинъ благочинный, получивши секретное предписаніе слѣдить за людьми иныхъ политическихъ убѣжденій въ своемъ приходѣ и своемъ благочиніи. Свобода слова, объявленная въ Высочайшемъ Манифестѣ отъ 17 октября сего года, разъ навсегда снимаетъ съ духовенства эту обязанность. Мы по себѣ знаемъ, какъ трудно удержаться отъ движенія враждебнаго чувства по отношенію къ людямъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій, въ особенности если люди эти позволяютъ переступать границы благоразумія въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Знаемъ, что безтактно смутить бы народную совѣсть и даже подвергъ бы себя опасности тотъ пастырь, который заговорилъ бы не въ томъ направленіи, какъ онъ говорилъ сочни лѣтъ. Но этого послѣдняго и не требуется. Каѳедра церковная не политическая трибуна. И рѣчь не о томъ, что должно говорить, а о томъ, что должно пока только думать духовенство тамъ, гдѣ жизнь идетъ спокойно. Но если бы священникъ увидѣлъ, что политическія страсти разгораются, что люди разныхъ политическихъ убѣжденій готовы совершить насиліе другъ надъ другомъ, то его долгъ уже говорить и дѣйствовать въ указанномъ смыслѣ. Его долгъ во имя Христова призвать всѣхъ къ взаимной терпимости, къ прекращенію всегда преступныхъ насилій. Такъ священникъ обстоятельствами времени призывается на алтарь пастырства возложить еще новую жертву. Сюда, на жертвенникъ своего служенія, онъ долженъ принести завѣтныя, вѣками сросшіяся съ его сердцемъ свои политическія убѣжденія, и въ случаѣ нужды стать выше всего земного, во имя неба и Христа всѣхъ призывая прекратить братоубійственную рознь.

Къ прекращенію занятій въ Новгородской духовной семинаріи.

Подача воспитанниками нашей семинаріи петиціи и прекращеніе ими занятій вызвали такую массу толковъ и пересудовъ, перешедшихъ на газетные столбцы, что постороннему человѣку трудно въ нихъ разобраться. Пишутся статьи съ совершенно различнымъ освѣщеніемъ факта, хотя всѣ онѣ ссылаются на „несомнѣнныя“ данныя, идущія отъ самихъ учениковъ. При этомъ совершенно опускается изъ виду отсутствіе у юныхъ рассказчиковъ критической провѣрки своихъ впечатлѣній, вслѣд-

ствіе которой и въ соединеніи съ непосредственною впечатлительностію возраста является чрезвычайно различное воспріятіе одного и того же факта. Старець Ниль въ № 610 Волховскаго Листка пишетъ о совершенно свободномъ соглашеніи между учениками по поводу петиціи и забастовки. Священникъ Созинъ въ № 612 той же газеты проводитъ мысль о несомнѣнности насилія при организаціи забастовки. А протоіерей Соколовъ въ № 608 и 611 попросту не знаетъ, что и подумать, чѣмъ объяснить забастовку духовной школы. Если же обратиться къ рассказамъ и толкованіямъ, циркулирующимъ въ обществѣ по поводу забастовки, то здѣсь уже окончательно теряется путь правды, вступаетъ въ свои права фантазія и молва становится подобной снѣжному кому. Эта смутность представленія дѣла происходитъ не только отъ того, что создатели слуховъ и авторы статей не считаютъ долгомъ критически относиться къ источникамъ и характеру свѣдѣній, не только отъ того, что они сами далеко стоятъ отъ семинаріи и, не связанные непосредственнымъ наблюденіемъ всего процесса забастовки, могутъ изображать то, чего на самомъ дѣлѣ не было, но и отъ того, что авторы не вникаютъ въ сущность мотивовъ и вліяній, лежащихъ въ глубинѣ движенія, не обнаруживаютъ никакого желанія обобщить фактъ забастовки нашей семинаріи, относясь къ нему лишь какъ къ матеріалу для толковъ. Между тѣмъ только при условіи такого обобщенія, только въ связи съ забастовками другихъ духовно-учебныхъ заведеній можно правильно понять и нашу Новгородскую. Мнѣ, какъ лицу, стоящему очень близко къ дѣлу, вся забастовка представляется иначе, и вопреки невѣрному освѣщенію факта въ № 610 и особенно въ 612 Волх. Лис. у свящ. Созина я укажу, какъ дѣло было на самомъ дѣлѣ.

Броженіе, охватившее всѣ слои нашего общества, не могло не отразиться и на молодомъ поколѣніи учащейся молодежи. Изолировать ее отъ этого вліянія нѣтъ возможности. Когда кругомъ всѣ родители думаютъ и говорятъ больше всего о томъ, какъ нашу жизнь измѣнить къ лучшему, нельзя ждать, чтобы даже взрослые дѣти (отъ 16 до 22 лѣтъ) не мечтали о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ учебной жизни, о недостаткахъ которой они знаютъ и отъ тѣхъ же родителей и изъ своего опыта. Эти естественныя мечты должны получить нѣсколько иной характеръ тамъ, гдѣ молодое поколѣніе наиболѣе страдаетъ отъ ограниченій въ правахъ и недостатковъ школьнаго строя и гдѣ мечты

объ улучшеніи слишкомъ долго не осуществляются. Въ такомъ именно положеніи уже много лѣтъ находятся наши духовныя семинаріи. Въ своемъ общемъ образовательномъ значеніи и въ смыслѣ подготовки къ высшему образованію не уступая другимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ (есть въ нихъ минусы, но есть и большіе плюсы по сравненію съ реальными училищами и гимназіями), наши семинаріи даютъ питомцамъ мало правъ на высшее образованіе: имъ открываютъ доступъ лишь случайно въ два университета, при чемъ подразумевается, что и эти университеты всегда могутъ закрыть для нихъ свои двери. Только успѣшный экзаменъ на аттестатъ зрѣлости даетъ имъ дорогу. Но какъ велики затрудненія держать подобные экзамены въ чужомъ учебномъ заведеніи и у незнакомыхъ учителей, это понятно всякому. Итакъ то, что дается всякому гимназисту, даже только что спасшемуся отъ двоекъ въ аттестатѣ (право поступить въ университетъ), является даже для лучшихъ семинаристовъ прекрасною, но почти неосуществимою мечтою. Они отъ отцовъ знаютъ, что прежнее поколѣніе питомцевъ духовной школы, пользовавшееся правомъ выхода въ свѣтскія учебныя заведенія изъ 4-го класса семинаріи, дало много выдающихся дѣятелей науки и жизни. Несправедливость слишкомъ ясна, чтобы ея не сознавали и не чувствовали сами обдѣленные юноши. Къ этому присоединяются недостатки въ строѣ самихъ семинарій, вытекающіе изъ опредѣляемой программами постановки общеобразовательнаго курса и нѣкоторыхъ подробностей инструкціи о поведеніи и жизни учениковъ. Такія введенныя вопреки первоначальному намѣренію законодателя, выразившемуся въ ст. 6 Уст. Дух. Сем. 1884 г., ограниченія, какъ пріемъ иносословныхъ лишь въ размѣрѣ 10% общаго количества ихъ, поставили духовныя семинаріи на путь сословности и обособленности и лишь содѣйствовали ихъ выдѣленію изъ круга другихъ среднихъ учебныхъ заведеній къ невыгодѣ семинарій. Глухое недовольство своимъ положеніемъ среди семинаристовъ существовало давно и въ связи съ разными недочетами внутренней жизни семинарій вызвало за послѣдніе пять лѣтъ многочисленныя безпорядки (въ семинаріяхъ Минской, Вологодской, Тамбовской, Псковской, Екатеринославской, Тифлисской, Кутаисской и др.). Но путемъ безпорядковъ семинаристы приходили лишь къ массѣ тяжелыхъ жертвъ со своей стороны (увольненія съ дурнымъ поведеніемъ даже по отдѣльнымъ семинаріямъ выражались во многихъ десяткахъ лицъ) и иногда къ смѣнѣ тѣхъ или другихъ

лицъ изъ служебнаго состава. Въ настоящее время путь разрушенія и буйства перешель въ систему петицій и беспорядки замѣнились мирными забастовками. Это явленіе, наблюдаемое далеко за предѣлами семинарій, проникло и въ духовно-учебныя заведенія. Ни для кого не тайна, что прекращеніе занятій въ нашей семинаріи не единичный фактъ. Теперь больше половины семинарій не дѣйствуютъ; удержатся ли отъ забастовки остальные, неизвѣстно. Понятна отсюда трудность спасти учебное заведеніе отъ такого явленія, которое имѣло мѣсто и въ нашей семинаріи.

Прекратившіе занятія воспитанники семинаріи знали, конечно, и тѣ послѣдствія, на которыя они рѣшаются: о закрытіи забастовавшихъ семинарій всѣмъ имъ извѣстно, увольненіе отказавшихся отъ занятій учениковъ по домамъ родителей является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ забастовки; дорожныя огорченія въ осеннюю распутицу могли быть опущены изъ виду развѣ только тѣми, кто забылъ, что теперь осень, горе въ семьѣ представлялъ ясно каждый воспитанникъ. — Само собою понятно, что среди воспитанниковъ не могло наблюдаться полного единодушія при подписаніи петиціи и обсужденіи вопроса о прекращеніи занятій. Несогласія въ этомъ отношеніи были; изъ словъ самихъ учениковъ видно, что сторонники и противники забастовки дѣлились по классамъ неравномѣрно. Но въ общей массѣ голоса благоразумія тонули. Насиліе воспитанниковъ надъ своими товарищами, о которомъ носятъ слухи, кажется, не доходило до примѣненія грубой физической силы. Это было развѣ насиліе массовой воли надъ единичною. Чтобы понять это, нужно имѣть въ виду, какое огромное возбуждающее вліяніе производитъ на каждую личность толпа. Намъ извѣстно, что рѣшеніе по поводу забастовки, принятое въ одномъ изъ классовъ и готовое дать новое направленіе дѣлу, разлетѣлось въ прахъ на сходкѣ всѣхъ воспитанниковъ въ актовомъ залѣ. Наконецъ нельзя опускать изъ виду и еще одного обстоятельства: для воспитанниковъ имѣетъ громадное значеніе стимулъ товарищества: для тѣхъ, кто не хотѣлъ подписать петиціи и принять участіе въ забастовкѣ изъ боязни дурныхъ послѣдствій для себя, оставался еще этотъ мотивъ — поддержать товарищей; когда оказывались недостаточными всѣ другія побужденія, товарищи дѣйствовали на эти чувства и достигали цѣли.

Въ сказанномъ выше уже данъ отвѣтъ по существу на нападки нѣкоторыхъ лицъ (свящ. Созина въ № 612 Волх. Л.)

на семинарскую корпорацію за ея мнимо бездушное и формальное отношеніе къ дѣлу прекращенія занятій учениками семинаріи. Ниже мы выяснимъ всю несостоятельность его письма на имя редактора газеты, подвергнувъ его разбору и давши правдивое, безпристрастное изложеніе факта.

Письмо о. Созина является результатомъ или недомыслия и нежеланія вникнуть въ дѣло, или недобраго умысла. Равнодушный къ правдѣ, авторъ наполняетъ письмо ложными сообщеніями и даетъ невѣрное освѣщеніе дѣлу. Его главное обвиненіе состоитъ въ томъ, что начальство и инспекція не приняли никакихъ мѣръ для предотвращенія забастовки. Это совершенно ложное утвержденіе. Несомнѣнно, что главнымъ поводомъ къ забастовкѣ послужили получаемыя семинаристами газетныя и частныя (путемъ переписки) свѣдѣнія о ходѣ движенія и массовыхъ забастовкахъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но можно ли отнять у воспитанниковъ семинаріи возможность имѣть эти свѣдѣнія? Если даже запретить читать газеты въ семинаріи, они узнаютъ о семинарскихъ забастовкахъ отъ городскихъ товарищей и изъ писемъ. Не порекомендуетъ ли о. Созинъ тщательно контролировать ученическую корреспонденцію? Но какъ отличить письмо о забастовкѣ отъ другихъ писемъ? Ужъ не читать ли письма по какой-либо системѣ? Но вѣдь нужно пощадить интимную жизнь ученика. Чтеніе писемъ—орудіе обоюдоострое. Если же признать невозможнымъ сохранить учебное заведеніе въ невѣдѣніи о семинарскихъ и академическихъ забастовкахъ, то оставалось покориться этому факту и лишь при появленіи въ своей семинаріи движенія постараться подѣйствовать на питомцевъ убѣжденіемъ и разъясненіемъ дѣла. Все это и было исполнено. О. Ректоръ еще за недѣлю до забастовки говорилъ ученикамъ о поставленномъ на очередь созывѣ собора для церковной вообще и въ частности школьной реформы въ виду сознанныхъ недостатковъ школы. При началѣ сходовъ, когда стало ясно намѣреніе учениковъ, онъ обратился ко всѣмъ классамъ (въ каждомъ отдѣленіи) съ убѣжденіемъ отказаться отъ забастовки, уговаривая, „какъ подсказывали ему разумъ и совѣсть“, не прекращать занятій; онъ рисовалъ имъ всю картину печальныхъ послѣдствій забастовки: закрытіе семинаріи, увольненіе по домамъ, горе въ семьѣ, потерю учебного времени, а можетъ быть и цѣлаго учебного года, тяжелые для большинства родителей расходы на дороги и на лишній годъ обученія въ семинаріи, неудобства и лишенія въ пути; наконецъ, онъ

разъяснилъ имъ нецѣлесообразность самой забастовки, которая не ускорить дѣла школьной реформы. Въ день забастовки послѣ подачи петиціи онъ снова обратился съ убѣдительною рѣчью ко всѣмъ воспитанникамъ отказаться отъ забастовки и изъявилъ готовность принять петицію. Мы знаемъ, что эта рѣчь была записана стенографическимъ способомъ и на многихъ воспитанниковъ произвела сильное впечатлѣніе вопреки утвержденію Созина о ея сухости, при чемъ „о политикѣ“ въ ней вовсе не говорилось. Къ воспитанникамъ обращено было и увѣщаніе нашего многооцѣннаго Архипастыря Гурія, онъ не замедлилъ бы лично явиться къ своимъ духовнымъ дѣтямъ съ прочувствованнымъ словомъ, но изъ Петербурга могъ прислать по телеграфу хотя краткое, но отвѣчающее сущности момента увѣщаніе „не терять дорогого времени ученья“ *). По обсужденіи петиціи между собою члены Правленія составили экстренное засѣданіе (на него были приглашены и депутаты отъ духовенства и одинъ изъ нихъ о протоіерей П. И. Тихомировъ былъ, а протоіерей Устьянскій не могъ быть за отъѣздомъ изъ Новгорода). Такъ какъ физической возможности бесѣдовать всѣмъ преподавателямъ со всѣми воспитанниками заразъ не было, то приглашены были въ Правленіе представители отъ пяти классовъ (всего 9 человекъ) съ тою цѣлію, чтобы имъ выяснитъ нецѣлесообразность и печальные результаты забастовки и чрезъ нихъ подѣйствовать на товарищей. Здѣсь никто надъ ними не смѣялся и никто не называлъ ихъ „мальчишками“, такъ какъ никто не могъ позволить себѣ подобной безтактности въ столь тревожное время, но снова повторены были всѣ убѣжденія противъ забастовки съ обѣщаніемъ принять петицію и отпривить ее по назначенію. Здѣсь выражено было сочувствіе тѣмъ требованіямъ петиціи, которыя по существу были справедливы; здѣсь же было разъяснено, что вопросъ о церковной реформѣ вообще и школьной въ частности поставленъ на очередь въ Епархіальныхъ Коммиссіяхъ и какъ разъ вечеромъ въ этотъ именно день засѣданіе Коммиссіи должно было быть посвящено обсужденію реформы духовной школы. Очень возможно, что нѣкоторые убѣжденія и доводы показались ученикамъ не имѣющими силы и не встрѣтили ихъ согласія, что, повидимому, и было. Но не можетъ быть рѣчи о насмѣшкахъ надъ учениками. Депутатамъ предложено было окончательно обсудить вопросъ о за-

---

*) Телеграмма Владыки была получена о. Ректоромъ уже послѣ *третьяго* и *окончательнаго* заявленія воспитанниковъ, что они не находятъ возможнымъ продолжать занятія.

бастовкѣ по классамъ и дать отвѣтъ. Что убѣжденія преподавателей въ общемъ произвели хорошее впечатлѣніе (можетъ быть, не всѣ и не на всѣхъ въ одинаковой степени), видно изъ того, что послѣ объясненія съ представителями движеніе въ пользу возобновленія занятій усилилось по классамъ (за исключеніемъ 4-го) и партія противниковъ забастовки даже надѣялась на благополучный исходъ волненія. Но въ этотъ моментъ колебанія энергично выступила партія рѣшительныхъ сторонниковъ забастовки и на общей сходкѣ въ актовомъ залѣ воспользовалась психическимъ вліяніемъ толпы, чтобы круто повернуть дѣло къ концу.

Итакъ видно, какъ несправедливы обвиненія семинарскаго Правленія въ ничегонедѣланіи по поводу забастовки. Если же инспекція не являлась на сходки, то это вовсе не равносильно признанію ихъ разрѣшенными и законными, — простой педагогической тактѣ требовалъ не подливать масла въ огонь: вѣдь если бы удалось предупредить или разстроить одну сходку, воспитанники устроили бы въ другомъ мѣстѣ другую (одна сходка напр. происходила не въ залѣ, а въ рошѣ), а при настойчивомъ стремленіи инспекціи не допускать сходокъ своимъ появленіемъ возможно было бы возникновеніе беспорядка и жертвъ со стороны воспитанниковъ. Итакъ о признаніи сходокъ разрѣшенными и законными нельзя говорить, было лишь благоразумное воздержаніе отъ репрессивныхъ мѣръ, когда убѣжденія перестали дѣйствовать, а репрессія привела бы къ большому злу, превративши мирную забастовку въ забастовку съ беспорядкомъ.

Но свящ. Созинъ не ограничивается этимъ клеветомъ. Онъ прозрѣваетъ въ скрытое желаніе преподавателей отдохнуть среди учебнаго года послѣ четырехмѣсячныхъ каникулъ, получая тысячные оклады. Противъ такого пріема въ освѣщеніи фактовъ трудно бороться, такъ какъ здѣсь имѣемъ дѣло съ сочинителемъ, который потерялъ всякое уваженіе къ печатному слову (безсознательно справедливое отношеніе къ своимъ собственнымъ писаніямъ), который къ напечатанному и слѣдовательно публичному слову относится, какъ къ сплетнѣ. Священникъ Созинъ отрицаетъ у преподавателей семинаріи всякое сознаніе служебнаго долга, не признаетъ у нихъ возможности любви къ труду, ставитъ ихъ наравнѣ съ тѣми лѣнтяями изъ первоклассниковъ — семинаристовъ, для которыхъ дѣйствительно возможность неучиться была однимъ изъ побужденій къ забастовкѣ; онъ считаетъ преподавателей семинаріи на столько легкомысленными, что они даже не представляютъ себѣ картину принесеннаго дѣтьми домой горя (хотя больше всего объ этомъ въ засѣданіи

правления говорилъ представителямъ классовъ В. Θ. Соколовъ), завидуетъ даже тысячнымъ окладамъ ихъ, забывая, что именно преподаватели духовно-учебныхъ заведеній являются обдѣленными въ „окладахъ“ и матеріально менѣе обеспечены, чѣмъ большая часть духовенства даже бѣднаго города Новгорода; онъ думаетъ о преподавателяхъ, какъ объ эгоистахъ, которые съ легкостію готовы цѣлый учебный годъ юношества принести въ жертву своему покою; онъ даже не предполагаетъ, что у преподавателей можетъ быть чувство отвѣтственности предъ родителями, онъ не хочетъ наконецъ знать даже того, что у четырехъ преподавателей есть въ семинаріи свои дѣти. Идти дальше этого въ неуваженіи къ человѣческому достоинству нельзя; въ рукахъ подобныхъ писателей перо становится орудіемъ какой—угодно лжи и клеветы и даетъ неопровержимое доказательство принадлежности подобныхъ авторовъ къ разряду любителей грязи.

Свящ. Созинъ говоритъ объ умѣньѣ А. Θ. Колоколова устранять забастовки въ противовѣсь семинарскому начальству. Но сравненіями и аналогіями слѣдовало бы пользоваться не такъ легкомысленно; онъ совсѣмъ опустилъ изъ виду разницу въ общемъ положеніи семинаристовъ и гимназистовъ: первые еще только добиваются того, чѣмъ послѣдніе уже давно обладаютъ и соотвѣтственно этому на сколько же болѣе страдательно положеніе семинаристовъ по сравненію съ учениками гимназій и на сколько сильнѣе мотивы для всего движенія въ духовныхъ семинаріяхъ?

Авторъ письма далѣе обвиняетъ семинарское начальство въ поспѣшности роспуска домой воспитанниковъ. Но здѣсь онъ совершенно не въ курсѣ дѣла. Предъ составленіемъ своего письма онъ даже не потрудился у своего брата помощника инспектора семинаріи Н. И. Созина получить точныя свѣдѣнія обо всемъ, какъ это видно изъ словъ самого Николая Ивановича. Поэтому онъ и не знаетъ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ забастовки учебнаго заведенія, всѣ распоряженія и мѣры превышаютъ компетенцію не только ректора, но и правленія семинаріи и всѣ распоряженія исходили отъ Архіепископа Гурія, будучи переданы по телеграфу, единственному теперь способу передачи извѣстій (не это ли обстоятельство ввело о. Созина въ заблужденіе, побудившее его быстроту телеграфа свалить на правленіе семинаріи и ректора?!) Между тѣмъ Владыка Архіепископъ телеграммой приказалъ „распустить по домамъ всѣ пять забастовавшихъ классовъ немедленно“. Оставлятъ всю массу неучащихся питомцевъ въ семинаріи нельзя по самымъ элементарнымъ

соображеніямъ, доступнымъ сознанію самихъ учениковъ, а насильно выгонять воспитанниковъ изъ семинаріи при желѣзнодорожныхъ забастовкахъ никто не думалъ: лучшее доказательство то, что до сихъ поръ около 70 и долгое время до 100 воспитанниковъ живутъ въ семинаріи: это тѣ, кому нельзя выѣхать вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки. А если ученикамъ пришлось перенести въ дорогѣ огорченія, то вѣдь наивно было бы мечтать объ удобствахъ пути въ такое время и смотрѣть на грязь, телѣги, опозданія пароходовъ и даже пѣшее хожденіе, какъ на что-то неожиданное. Мы тоже жалѣемъ учениковъ, глубоко сочувствуемъ имъ, но не считаемъ себя виновными въ столь непріятныхъ сюрпризахъ: это естественное слѣдствіе прекращенія занятій въ осеннее время и начало искупленія ими не во время предпринятаго шага.

Свящ. Созинъ пишетъ дальше по адресу 6-го класса, который, принимая скрытое участіе въ устройствѣ забастовки, самъ не отказался продолжать занятія и спокойно ведетъ свое дѣло. Здѣсь намъ кажется ненеприятнымъ, чего хочетъ авторъ; по ходу мыслей онъ требуетъ, чтобы и 6-й классъ раздѣлилъ участь пяти младшихъ за его тайную преступность и отправился бы въ изгнаніе. Но если такъ, то свящ. Созинъ хочетъ прибавить къ страждущимъ воспитанникамъ, за которыхъ онъ, повидимому, ошолчается въ началѣ письма, еще больше пятидесяти человѣкъ и такимъ образомъ изъ мнимаго союзника учениковъ превращается въ ихъ дѣйствительнаго врага.

Въ концѣ письма свящ. Созинъ указываетъ на фактъ подачи нѣкоторыми учениками прошеній о возобновленіи занятій и ставитъ по этому поводу вопросъ: „какъ-то отнесется къ этому семинарское начальство и преподавательскій персоналъ, когда пріятно улыбаются каникулы посреди учебнаго года?“ Авторъ письма, кажется, серьезно увѣренъ, что начальство и преподаватели косо и недружелюбно посмотрятъ на тѣхъ питомцевъ, которые напоминаютъ имъ о необходимости вернуться къ труду. Здѣсь легкомысліе письма доходитъ до высшей степени, до курьеза. Достаточно сказать, что начальство и преподаватели семинаріи сами ходатайствовали предъ властію о возобновленіи занятій съ 15-го ноября.

Слѣдовало бы здѣсь кончить длинный отвѣтъ на короткое письмо. Но есть еще одна сторона дѣла, которую нельзя оставить безъ вниманія. Весь этотъ отвѣтъ предпринять съ болѣе серьезной цѣлію, чѣмъ газетная полемика со свящ. Созинымъ: статья имѣетъ цѣлію указать почву, истинныя условія и обри-

совать весь процесс забастовки въ нашей семинаріи и этимъ путемъ установить правильное отношеніе къ факту со стороны общественнаго мнѣнія и родителей, вводимыхъ въ заблужденіе толками и статьями, подобными разобранному выше. А правильное отношеніе общественнаго мнѣнія очень цѣнно и для самаго дѣла, для всей семинарской корпораціи, для духовенства епархіи и родителей учениковъ, наконецъ для самого духовнаго юношества.

Въ самомъ дѣлѣ, на 15-ое ноября назначено возобновленіе занятій... Не безъ тревоги и сомнѣній думаемъ всѣ мы объ этомъ времени. Мы не допускаемъ мысли, чтобы родительское вліяніе оказалось бессильно возвратить учениковъ подъ кровъ семинарскій,—среди духовенства семья, слава Богу, еще крѣпка и семейный авторитетъ существуетъ,—ученики вернутся къ намъ. Но вотъ вопросъ: приступятъ ли они къ занятіямъ, если ихъ требованія окажутся къ тому времени неудовлетворенными высшей церковной властью, отъ коей зависитъ ихъ выполненіе. Между тѣмъ невозможно надѣяться на удовлетвореніе въ столь короткій срокъ даже части ихъ требованій: съ одной стороны всеобщія забастовки затрудняютъ передачу сообщеній и дѣла изъ одной инстанціи въ другую и даже иногда дѣлаютъ ее невозможной; а съ другой—всѣ петиціи высшихъ и среднихъ духовно-учебныхъ заведеній должны быть приведены къ единству,—нельзя выполнять ихъ въ отдѣльности. А если такъ, то возникаетъ вопросъ не объ отдѣльномъ, частичномъ удовлетвореніи семинарскихъ петицій, а вообще о реформѣ школы. Но есть ли какая—нибудь надежда въ одинъ мѣсяць достигъ этой цѣли, когда реформа духовной школы стоитъ въ связи съ общими церковными реформами и когда церковная власть обременена важнѣйшими вопросами и подготовительными работами, глубоко задѣвающими жизнь и судьбы самой Русской церкви? Если же воспитанники по пріѣздѣ увидятъ свои требованія неудовлетворенными, то при не вполне успокоившемся настроеніи у наиболѣе увлекающихся юношей можетъ возникнуть мысль о продолженіи забастовки, которая тогда уже неминуемо приведетъ ихъ къ потерѣ всего учебнаго года и слѣдовательно года самостоятельной жизни. Такимъ образомъ не вслѣдствіе нежеланія власти считаться съ требованіями воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, а просто вслѣдствіе физической и нравственной невозможности рѣшить важное дѣло школьной реформы столь быстро и съ успѣшностію, о которой мечтаютъ юные умы, воспитан-

ники могутъ нанести себѣ тяжелый ущербъ. Но этого мало. Въ моментъ колебаній по возвращеніи изъ дому статьи, подобныя письму свящ. Созина, слишкомъ хорошо извѣстныя отцамъ и дѣтямъ духовенства, проникнуть въ семинаріи и вотъ здѣсь-то они могутъ принести глубокой и всесторонней вредъ ложными свѣдѣніями: они могутъ вооружить воспитанниковъ противъ начальства, инспекціи и преподавателей семинаріи, не виноватыхъ предъ ними въ школьныхъ нестроеніяхъ: юношески—довѣрчивое отношеніе къ подобнымъ статьямъ вмѣстѣ съ возможнымъ неисполненіемъ къ этому сроку требованій петиціи можетъ создать общую враждебную настроенность семинаристовъ къ служащимъ въ семинаріи, не смотря на то, что теперь ея нѣтъ. А на этой почвѣ не далеко до безпорядка, буйствъ и т. д. Тогда дѣло приметъ печальный оборотъ со множествомъ напрасныхъ, никому не нужныхъ, слишкомъ дорогихъ и для родителей и для самихъ дѣтей жертвъ. Гдѣ сѣютъ ложь и злобу, тамъ пожинаютъ бурю. Подумалъ ли свящ. Созинъ, что его статья способна заронить въ душу неустановившагося юношества сѣмена подобной озлобленности, не имѣющей для себя основаній? Бросивши комъ грязи въ лицо всей семинарской корпораціи, не принимаетъ ли онъ на себя роль агитатора къ необдуманымъ и вреднымъ поступкамъ семинаристовъ? Свящ. Созинъ забылъ, что его санъ и крестъ на груди есть вѣчный призывъ къ проповѣди мира, любви и правды, а не лжи и озлобленія.

Но довольно. Мы вѣримъ въ лучшія качества нашихъ питомцевъ, уже не разъ доказанныя: они помогутъ имъ отказаться отъ неразумныхъ поступковъ и шаговъ въ такое время, когда общее движеніе жизни идетъ къ нимъ навстрѣчу; они помогутъ имъ надлежаще отнестись ко всякимъ возбуждающимъ вліяніямъ и вернуться къ мирному учебному труду въ увѣренности скораго преобразования духовной школы. Только пусть учащіеся не думаютъ, что власть глуха къ ихъ запросамъ и потребностямъ: мѣсяцъ забастовки и сопряженные съ нею лишенія и страданія не могутъ не произвести сильнаго впечатлѣнія у кормила власти.

Преподаватель Новг. Дух. Семин. *М. Кедринскій.*

По поводу одного проекта.

Въ ряду многихъ вопросовъ, предъявленныхъ общественному самосознанію условіями современной жизни, съ особенной настойчивостью заявляетъ о себѣ вопросъ о реорганизаціи церковной жизни. Разрѣшеніе этого вопроса—и въ смыслѣ возстановленія древне-русской церковно-общинной жизни и въ смыслѣ обновленія быта и улучшенія состава представителей этой жизни—духовенства—относятъ къ отложенному на время Высочайшей Властью Россійскому церковному собору. Въ настоящее время уже почти всюду происходятъ подготовительныя работы по уясненію тѣхъ мѣропріятій, которыя должны пройти черезъ церковный соборъ и привести къ улучшенію церковной жизни. Много готовится и самыхъ разнообразныхъ проектовъ по всеѣмъ отраслямъ этой жизни. Какъ и чѣмъ разрѣшатся эти проекты—покажетъ будущее.

Въ настоящей же, короткой замѣткѣ я хочу только коснуться одной стороны общецерковнаго вопроса и, такъ сказать, только внутренней его половины. Это—объ отношеніи между собой служителей церкви.

Говорятъ, что духовенство наше въ нравственномъ отношеніи стоитъ ниже высоты своего служенія. И причины этого видятъ въ томъ, что ряды служителей церкви заполняются теперь почасту людьми безъ надлежащаго призванія, карьеристами, людьми низкими и недостойными. А поэтому и полагаютъ, что выборное начало по возстановленіи церковнообщественной жизни, примененное къ соискателямъ духовной степени, очиститъ отъ плевеи контингентъ представителей церкви.

Нельзя, конечно, отрицать благотворнаго значенія въ этомъ способѣ замѣщенія церковныхъ должностей, хотя и въ немъ есть темныя стороны. Ибо трудно ожидать, чтобы деревенская приходская община, хотя бы и церковная, особенно на первыхъ порахъ послѣ своего возрожденія, не стала бы походить на теперешнюю сельскую общину съ ея воротилами, окруженными безземельными сторонниками, вершающими дѣла по своему хотѣнію. А полагать, чтобы нашъ деревенскій народъ тотчасъ же по полученіи голоса въ церковной жизни проникся бы съ знаніемъ долга и законности, думается, нѣтъ основаній... Но это между прочимъ. Во всякомъ случаѣ—проекту этому нужно радоваться.

А вотъ въ чемъ вопросъ. Когда церковно—и—священнослужительскія мѣста будутъ заняты—въ лучшемъ разѣ—людьми призванія съ благородными стремленіями, установятся ли чрезъ это между ними самими добрыя, примѣрныя отношенія? Или же попрежнему мы будемъ читать о скорбныхъ недоразумѣніяхъ между священниками и ихъ дьяконами и псаломщиками? Вѣдь мы знаемъ, что и въ доброй семьѣ бываютъ ссоры. Неужели же попрежнему полетятъ кучи бумагъ и пасквильныхъ доносовъ другъ на друга въ консисторію? Какъ избѣжать этого? Какъ установить добрыя отношенія между служителями церкви.

Въ № 17 нашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей была помѣщена статья, гдѣ авторъ, разсуждая о ненормальности отношеній между однимъ священникомъ и его псаломщикомъ, спрашиваетъ, гдѣ причина вообще такихъ явленій? И дальше отвѣчаетъ, что причина заключается въ томъ, что на псаломщескія мѣста допускаются люди недуховнаго сословія, не получившіе духовнаго образованія, и предлагаетъ словомъ Евангелія отсѣчь и удалить отъ себя соблазняющаго.

Конечно, предложеніе это потеряетъ остроту и будетъ несовмѣстимымъ съ введеніемъ выборнаго начала въ церковной жизни, но кромѣ того, и теперь то, если оно и возможно, то кажется слишкомъ суровымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что всякое отсѣченіе, удаленіе другого есть зло ему, а этимъ зломъ побѣждать другое зло—даже ради нравственнаго возвышенія—противно пастырю—христіанину; не говоря и о томъ, что заповѣдь Христова объ отсѣченіи и удаленіи соблазняющаго члена нужно понимать не въ смыслѣ его уничтоженія, а въ смыслѣ обузданія и управленія своими собственными чувствами;—нужно снисходительнѣе относиться къ согрѣшившему брату.—Было бы непохристіански и несправедливо за преступленіе человека, часто необдуманное и несознательное,—сразу же убивать его.

Вотъ тутъ-то, думается, и умѣстенъ выдвинутый въ послѣднее время печатью вопросъ о товарищескомъ судѣ, такъ называемомъ судѣ чести. Преслѣдуя главную мысль объ улучшеніи нравственнаго облика духовенства, судъ этотъ по идеѣ долженъ быть не холодно—канцелярскимъ, а дѣятельнымъ, братскимъ, ищущимъ улучшенія, а не отсѣченія. Этотъ судъ вполнѣ будетъ соответствовать заповѣди Спасителя—не прежде отсѣкать и отлучать, пока чрезъ увѣщаніе при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ или всей церкви не останется надежды на исправленіе. Подобные суды должны быть въ каждомъ благочинническомъ

округъ, и составъ ихъ не долженъ ограничиваться только священниками. Нѣтъ, это будутъ тѣ же самые теперешніе благотворительныя съѣзды всего клира извѣстнаго благочинія, собираемые только не для рѣшенія, какъ теперь по большей части, денежныхъ вопросовъ, а гораздо важнѣе — поднятія нравственнаго уровня среди самихъ себя. Компетенціи этого собранія должны подлежать всѣ проступки противъ благотворительной жизни.

Нельзя не привѣтствовать этой мысли. Любовь и товарищество сдѣлаютъ многое: поддержать слабыхъ, устыдить нерадивыхъ и главное — соединить разбросанныя добрыя силы и съ успѣхомъ направить ихъ къ доброму общему дѣлу. И хочется думать, что подобный товарищескій судъ, не вынося, какъ говорятъ, изъ избы сору, подниметъ духовенство, разбудитъ его, — по крайней мѣрѣ больше, чѣмъ теперешнее отсѣченіе и удаленіе.

Свящ. *Петръ Серіевъ.*

Послѣдній итогъ.

Былъ канунъ праздника. Въ богатомъ монастырскомъ храмѣ, расположенномъ почти въ центрѣ губернскаго города, шла все-нощная. Ярко горѣли возженные лампы и свѣчи предъ иконами, переливаясь тысячами разноцвѣтныхъ огней на ихъ драгоценныхъ ризахъ. Какъ мощное эхо, отдаваясь во всѣхъ углахъ храма, гудѣлъ басъ іеродіакона, возглашавшаго эктению, — а съ клиросовъ несло стройное, располагающее къ молитвѣ, пѣніе монастырскихъ пѣвчихъ.

Храмъ былъ полонъ народомъ. Въ густой толпѣ нарядно разодѣтыхъ горожанъ можно было встрѣтить и бѣдныхъ крестьянъ, рѣзко отличавшихся отъ нихъ своимъ убогимъ одѣяніемъ. Изъ далекихъ деревень, отстоявшихъ отъ города за сотни и болѣе верстъ, пришли они въ обитель къ храмовому празднику, чтобы здѣсь въ молитвѣ передъ чтимымъ угодникомъ отдохнуть отъ всѣхъ тревогъ и волненій, которыми такъ богата ихъ обыкновенная грѣшная жизнь. Нѣкоторые, не успѣвъ найти себѣ мѣста въ монастырской гостинницѣ, прямо съ дороги вшли въ храмъ съ котомками за плечами и робко остановились у церковнаго порога, не рѣшаясь въ своемъ убогомъ рубищѣ пройти впередъ. —

А вонь—тамъ въ сторонѣ, за высокой колонной, куда слишкомъ слабо проникаетъ свѣтъ свѣчей, стоитъ какой-то человекъ, одѣтый въ темный потертый подрясникъ. По временамъ изъ груди его вырывается сухой удушливый кашель, которому, кажется, и конца не дождешься.

Онъ весь ушелъ въ молитву. Задумчивые глаза его какъ-то страдальчески строго смотрятъ вдаль—поверхъ толпы, точно разыскивая тамъ что-то дорогое, давно уже и навѣкъ утраченное имъ...

„Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ“, долетѣли до него съ клироса величественныя, знакомыя каждому съ дѣтства, слова изъ перваго псалма. И онъ весь какъ-то встрепенулся и учащенно сталъ осѣнять свою впалую грудь широкимъ крестомъ. Молитвенно настроенная мысль его, незамѣтно для него самого, возвратилась назадъ—къ тому пути, которымъ онъ шелъ по житейской дорогѣ. Картины прошлой жизни одна за другой поднялись въ его головѣ и сперва такія свѣтлыя, отрадныя, что легкая улыбка невольно мелькнула на его полуоткрытыхъ устахъ. Вспомнилось ему далекое дѣтство, когда для него—дьячковскаго сына достаточно было какой-нибудь куклы—игрушки, иль ляповато—размалеванной разноцвѣтными красками дешевой картинки, чтобы сдѣлать его бесконечно счастливымъ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дней. Вспомнились игры съ товарищами—крестьянскими дѣтьми изъ родного села,—тѣ веселыя шумныя игры, среди которыхъ они, тогда еще совершенно равнодушныя и безучастныя къ записсамъ жизни, коротали вмѣстѣ свое дѣтство, далеко и невозвратно ушедшее назадъ...

Тамъ, на родной сторонѣ все ему дорого и мило, все будить въ душѣ свѣтлыя воспоминанія. Вонь—узкою лентой, искрясь подъ лучами знойнаго солнца, вьется мелководная рѣчка, на которой, бывало, въ лѣтнюю пору онъ проводилъ цѣлые дни. Вонь—любимый имъ лѣсъ, гдѣ ему знакомы каждый кустикъ, каждое деревцо, каждый высоко-насыпанный муравейникъ. Вонь и церковь—деревянная, поросшая мохомъ, съ низкой колокольней, съ почернѣвшими крестами на главахъ. Какъ ни убога, но дорога ему и до сихъ поръ эта церковь родная, гдѣ въ былые годы онъ съ увлеченіемъ пѣвалъ на клиросѣ со своимъ, теперь уже покойнымъ, отцомъ...

Счастлирое то было время. Дорого-бы далъ онъ, лишь бы взадъ возвратилось оно...

Пронеслись въ памяти его и долгіе годы труднаго ученія, оставившіе въ душѣ его лучшія воспоминанія. Въ кругу друзей и товарищей незамѣтно прокатились эти годы, незамѣтно подошелъ и день окончательнаго выпуска изъ духовной семинаріи. Боже! Какъ радостно билось тогда сердце! Какъ вѣрилось и въ правду, и въ людей, и въ свои еще ненадломленные силы! Незнакомая доселѣ жизнь заманчиво манила къ себѣ. Хотѣлось поскорѣе броситься въ ея объятія и работать для другихъ съ юношеской энергіей, не знающей усталости; хотѣлось передѣлать эту жизнь по своему—подвести ее подъ свои завѣтные, много лѣтъ въ душѣ лелѣянные, идеалы... Многое тогда хотѣлось сдѣлать!...

„Поработаемъ, Миша, для народа“, страстно шепталъ ему въ послѣднюю ночь предъ разлукой его вѣрный другъ Ваня. Но не пришлось ему—бѣдному выйти на эту работу. Въ первую же послѣ окончанія курса осень безжалостная чахотка свела его въ могилу—съ его лучшими неосуществленными идеалами...

А всенощная идетъ своимъ чередомъ. „Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа“, слышится стройное пѣніе.—

И онъ съ благодарностью къ Богу за все свѣтлое въ своей жизни палъ на колѣни и, обливаясь слезами, замеръ въ какомъ-то священномъ восторгѣ...

„Поработаемъ, Миша, для народа“, отдаются и теперь, черезъ двадцать лѣтъ, въ ухахъ его слова друга.

И онъ съ юношеской вѣрой въ свои силы и въ отзывчивость сердца людскаго къ правдѣ и добру выступилъ на эту работу. Началась самостоятельная жизнь сначала въ должности сельскаго учителя, а потомъ священника,—жизнь, съ первыхъ-же шаговъ непривѣтливо встрѣтившая его и постепенно разбившая его лучшіе идеалы...

А на клиросѣ поютъ: „отъ юности моя мнози борють мя страсти“,—поютъ какъ-бы въ унисонъ съ душевнымъ настроеніемъ о. Михаила; „но самъ мя заступи и спаси, Спасе мой“, гудятъ басы и заливаются тенора.—

Одолѣли о. Михаила эти страсти, постепенно унесли изъ души его все, что въ ней было честнаго и благороднаго. Идеально-настроенное сердце не выдержало гнета суровой жизни, и... въ результатъ—онъ запрещенъ въ священнослуженіи и отправленъ на покаяніе въ монастырь,—онъ, который когда-то всю свою добрую честную душу, все свои лучшія свѣтлыя думы такъ радостно несъ въ жертву народу.

„Господи! Да за что-же Ты отвергъ меня“? въ какомъ-то изступленіи шепталъ онъ, устремивъ глаза въ одну точку.

И въ умѣ его невольно пронеслась страшная картина случая, надломившаго его жизнь и приведшаго въ монастырь. Не забудется имъ эта картина да послѣдняго издыханія: до того глубоко она врѣзалась въ сердце!

То было въ первые годы священства. Судьба забросила его въ одинъ изъ захолустныхъ приходоу епархіи. Прихожане были люди темные, жившіе исключительно заботами дня. Руководящимъ началомъ ихъ жизни былъ не свѣтъ Евангелія и знанія, помогающаго уразумѣть этотъ свѣтъ, а различныя примѣты и суевѣрія, обусловливавшія теченіе всей ихъ небогатаго внутреннимъ содержаніемъ жизни. Въ этихъ суевѣрныхъ примѣтахъ они даже искали себѣ оправданія предъ Богомъ и прощенія грѣховъ. По ихъ, напр. логикѣ, убить паука или змѣю мѣдьяницу,—значило получить прощеніе въ цѣлыхъ сорока грѣхахъ. А такъ какъ каждый изъ нихъ немало перебилъ на своемъ вѣку этихъ тварей, то понятно, что они неособенно заботились о тѣхъ средствахъ оправданія предъ Богомъ, какія предлагаетъ намъ св. Церковь въ своихъ таинствахъ.

„Приведетъ Богъ, такъ покаюсь передъ концемъ, *) или подъ старость,“ разсуждали они, и къ Божьему храму и службамъ, въ немъ совершающимся, относились довольно безучастно.

На обширный, раскиданный на 15 верстъ, приходъ была лишь одна школа грамоты, помѣщавшаяся въ полуразвалившейся крестьянской избѣ и, благодаря своему убожеству, слишкомъ мало вносившая свѣта въ деревенскую жизнь.

Поэтому, первой заботой молодого пастыря, по вступленіи на приходъ, было выстроить новое помѣщеніе для школы и, чтобы она отвѣчала своему назначенію, поставить ее въ болѣе благопріятныя условія.

Второй же заботой, болѣе тяжелой, для о. Михаила была борьба съ пьянствомъ, особенно въ праздничные дни. Не имѣя разумныхъ развлеченій, совершенно не понимая своего высшаго духовнаго назначенія, крестьяне проводили праздники среди дикаго, небузданнаго разгула, гдѣ страстямъ и порокамъ давался полный просторъ. Къ храмовымъ и такъ называемымъ „завѣтнымъ“ праздникамъ они варили десятки ведеръ пива, покупали водки и пьянствовали со всевозможными безобразіями, до ка-

---

*) т. е. передъ кончиной.

кихъ только можетъ додуматься пьяное воображеніе, — пьянствовали по два, по три дня. —

Вотъ противъ этого-то праздничнаго разгула и направилъ свою энергичную дѣятельность молодой пастырь, справедливо видя въ немъ первую и главную помѣху своимъ благимъ завѣтнымъ начинаніямъ. Неразъ въ храмѣ онъ указывалъ прихожанамъ на всю гибельность подобнаго времяпровожденія, неразъ и въ приходѣ, бывая тамъ съ требою, бесѣдовалъ съ ними по этому поводу. Но онъ въ своихъ бесѣдахъ и проповѣдяхъ не громилъ пьяницъ, не бичевалъ ихъ, какъ грозный обличитель, — нѣтъ онъ кротко и съ любовію звалъ ихъ на путь трезвой жизни. Но напрасно.

Съ справедливостью словъ его они соглашались, а исправить жизни своей не хотѣли, — соглашались — да и то не всегда.

„Не дѣло ты, отецъ, говоришь“, замѣчалъ иной разъ какой-нибудь „протестантъ“: „гдѣ нашему, брату — мужику безъ водки прожить?... Съ усталости или съ холоду всегда хватить нужно, — а то, братъ, на нашей работѣ и ногъ не потянешь“.

„Вѣстимо такъ!.. Правильно онъ говоритъ“, соглашались съ „протестантомъ“ другіе...

Трудно было не только искоренить, а хоть-бы нѣсколько ослабить этотъ порокъ, вѣками вѣдавшійся въ русскую жизнь и сдѣлавшій праздники не днями служенія Богу и ближнимъ, а скорѣе днями, когда мысль о Богѣ и совѣсти отходить на задній планъ, когда дерзко попираются уставы и Божескіе, и человѣческіе.

Съ цѣлью отвлечь прихожанъ отъ пьянства, о. Михаилъ сталъ устраивать религіозно-нравственныя чтенія при школѣ. Но приходъ былъ раскиданъ, и на чтенія ходили лишь жители ближнихъ деревень, да и то въ небольшомъ количествѣ.

Тогда онъ рѣшился на слѣдующую мѣру. Въ одинъ праздничный день, когда было гулянье въ дальней деревнѣ прихода, онъ отправился туда съ тѣмъ, чтобы тамъ устроить въ этотъ день чтеніе и хоть этимъ отвлечь крестьянъ отъ пьянства, по крайней мѣрѣ, въ первый день праздника.

Онъ пріѣхалъ туда къ 4 час. дня — въ самый разгаръ гулянья и, найдя пустую, просторную избу для устройства чтенія, уступленную ему однимъ мужичкомъ, послалъ оповѣстить, чтобы желающіе собирались на чтеніе. На зовъ его явились лишь три — четыре старухи да нѣсколько ребятишекъ.

По улицѣ же деревни разгуливали пьяныя толпы народа, совершенно не думавшаго идти на чтеніе. Кто-то игралъ на гармоникѣ, которая то орала, то визжала [въ рукахъ игрока, а ему подпѣвало нѣсколько пьяныхъ голосовъ.

О. Михаилъ вышелъ на улицу и, остановивъ первую, проходившую мимо него, партію гулякъ, обратился къ ней со словомъ увѣщанія...

Вскорѣ около него стояла цѣлая толпа—человѣкъ въ сто и, нагло улыбалась, слушая рѣчь своего пастыря.

„Не мѣшай намъ, батъко, жить, какъ хотимъ“, вдругъ раздался изъ толпы чей-то пьяный вызывающій голосъ: „служи!... Мы за труды не обилимъ тебя, а порядковъ нашихъ не трожь... Такъ жили наши дѣды и отцы, такъ проживемъ и мы“...

„Уѣзжай-ка отсюда по добру—по здорову, если брезгуешь нашимъ хлѣбомъ—солью“, лепеталъ кто-то въ толпѣ заплетающимся языкомъ: „не мѣшай намъ!... Видишь—гуляемъ“...

„Что съ нимъ калякать-то? Луни его, братцы!.. Авось, забудеть новые порядки заводить“, вдругъ крикнулъ кто-то пьянымъ голосомъ.

Блѣдный, какъ полотно, едва сдерживая готовя вырваться изъ груди отъ незаслуженной обиды рыданія, онъ смѣло [придвинулся къ волновавшейся толпѣ и твердымъ голосомъ проговорилъ:

„Ну—что-же? Начинайте! Я готовъ“...

Толпа подалась назадъ, невольно смутившись своей дерзкой выходки по отношенію къ пастырю.

„Онъ еще храбрится. Луни его!“ Крикнулъ стоявшій вблизи него пьяный, почти безбородый мужикъ и занесъ уже надъ о. Михаиломъ свою руку...

„Не трожь“, грозно окрикнули мужика изъ толпы: „каковъ ни на-есть, а онъ нашъ отецъ духовный“.

„Поѣзжай-ка, батя, къ своей нопадѣ, да той и почитай“, проговорилъ какой-то зубоскаль.

Толпа захохотала и стала расходиться, чтобы продолжать свое гулянье, прерванное неотвязнымъ „попомъ“.

Бѣдному пастырю ничего не оставалось дѣлать, какъ уѣхать изъ деревни, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ непріятностей.

Случай этотъ до того поразилъ о. Михаила, что онъ нѣсколько дней ходилъ, какъ помѣшанный. Пропалъ и сонъ, и аппетитъ, отказывалась работать и мысль въ головѣ.

Правда, и раньше онъ встрѣчалъ противодѣйствіе въ своей безкорыстной дѣятельности, но все-же находилъ въ себѣ силы терпѣливо мириться съ этимъ. Теперь же, когда надъ нимъ такъ безжалостно надругались и всенародно осмѣяли его лучшія начинанія, онъ совершенно упалъ духомъ. То святое, великое дѣло служенія ближнимъ, къ которому онъ готовился съ малолѣтства, и о выполненіи котораго въ былое время такъ страстно мечталъ,—потеряло для него свое прежнее обаяніе...

Въ эти минуты внутренняго душевнаго разлада, когда до окончательнаго паденія, до полнаго отреченія отъ своихъ юношескихъ идеаловъ, отреченія отъ „святая святыхъ“ своего сердца былъ всего одинъ шагъ,—въ эти минуты ему нужна была нравственная поддержка—теплое слово участія. Но-увы! онъ былъ одинокъ. Жена—добрая душой, но не получившая образованія, не могла понять всего ужаса той нравственной ломки, которая совершалась въ душѣ о. Михаила, а потому—не могла и облегчить ея благопріятнаго исхода.—

И онъ не устоялъ на своемъ, честно начатомъ, пути. Мало того, чѣмъ тверже, казалось, стоялъ онъ на этомъ пути, тѣмъ глубже и страшнѣе было паденіе.

Разочаровываясь въ людяхъ и постепенно теряя вѣру въ свои силы—въ свою пригодность для жизни, а также и въ возможность правды на землѣ, о. Михайлъ сталъ искать для себя утѣшенія въ томъ, противъ чего такъ ревностно ратовалъ доселѣ...

„Намъ не везить, а самъ выпиваетъ“, стали поговаривать въ приходѣ послѣ того, какъ многіе видѣли его нѣсколько разъ выпившимъ...

Да что вспоминать эту грустную повѣсть паденія, эту обычную исторію, когда изъ трезваго пастыря, при первыхъ житейскихъ невзгодахъ, вырабатывается безвольный алкоголикъ? Что вспоминать?... Все равно—безумно прожитого времени взадъ не воротишь, даромъ растраченныхъ силъ не возстановишь, думалъ теперь въ монастырскомъ храмѣ о. Михайлъ, силясь отогнать отъ себя грустныя картины прошлой жизни. Но напрасно! Какъ живыя, онѣ мелькали предъ нимъ во всей неприглядной наготѣ. Предъ судомъ пробудившейся совѣсти для него потеряли значеніе и ссылка въ монастырь, и вѣчная отмѣтка о судимости въ формулярѣ...

„Господи! Помоги мнѣ начать новую жизнь, помоги вернуться на тотъ путь трезвой жизни, съ котораго я, грѣшный

пастырь, безумно уклонился“, шепталъ о. Михаилъ, и слезы — горькія слезы струились по впалымъ щекамъ его, на которыхъ сильно игралъ блѣдный румянецъ — этотъ неизмѣнный спутникъ чахотки...

Усталъ-ли онъ за долгую службу, или страшная, нажитая невоздержной жизнью, болѣзнь дѣлала свое дѣло, но онъ чувствовалъ, что силы его постепенно слабѣютъ. Онъ уже не могъ стоять на ногахъ и, опустившись на колѣни, молился такъ усердно, какъ никогда еще не маливался за всю свою, безпутно и уродливо сложившуюся, жизнь.

А по храму несется ужъ дивная пѣснь, то щемящая сердце тоской, то вносящая въ него лучъ надежды на милость и не знающее границъ всепрощеніе Господне:

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе... Агнче Божій, Сыне Отечъ, вземлай грѣхъ міра, помилуй насъ: вземлай грѣхи міра, пріими молитву нашу“...

О. Михаилъ впадаетъ въ какое-то сладостное полузабытье. Это не то сонъ, не то дремота, среди которой чудится ему, что поднимается изъ за престола Онъ, вземлющій грѣхи міра, и окруженный тьмами ангеловъ тихо, медленно плыветъ по храму въ воздухѣ. Вотъ Онъ — все ближе и ближе, и наконецъ останавливается надъ о. Михаиломъ, — долго смотритъ на него грустнымъ испытующимъ взглядомъ и проговоривъ: „многими скорбями подобаеъ войти въ Божіе царство“, трижды благословляетъ его, а ангелы тихо и стройно подпѣваютъ пѣвчимъ:

„Буди, Господи, милость твоя на насъ, якоже уповахомъ на тя“...

„Господи, помилуй мя, повторяетъ за пѣвчими о. Михаилъ: „исцѣли душу мою, яко согрѣшихъ Тебѣ“...

Онъ ужъ не оправдываетъ себя въ своихъ грѣхопаденіяхъ, — нѣтъ, теперь онъ строго бичуетъ себя за то, что жизнь его была дерзкимъ кощунствомъ надъ таинствомъ жизни, и проситъ себѣ лишь помилованія у небснаго Царя, у своего вѣчнаго Архіерея и Первосвященника. И вѣрится ему, что этотъ архіерей все проститъ ему и любовію своей согрѣетъ его измученное и озлобленное жизнью сердце...

Всенощная кончилась. Совершенно ослабѣвшаго о. Михаила подъ руки увели въ отведенную ему келью.

„Позовите духовника“, тихо проговорилъ онъ провожавшимъ его, чувствуя, что въ больной груди какъ будто останавливается жизнь.

Долго длилась исповѣдь о. Михаила. О чемъ перечь старымъ іеромонахомъ говорилъ опальный пастырь, покрыто тайной для міра...

Видѣли только, что старецъ—духовникъ со слезами вышелъ отъ о. Михаила и, направляясь къ своей кельѣ, тоскливо повторялъ:

„Онъ святѣ насъ“...

На утро нашли о. Михаила сидѣвшимъ за столомъ и какъ бы уснувшимъ надъ раскрытымъ Евангеліемъ.

„Батюшка, вставайте!... Къ обѣднѣ пора“, проговорилъ будившій его послушникъ.

Но батюшка уснулъ навѣки.

Смерть подвела послѣдній итогъ надъ его неудачно сложившейся жизнью.

Василій Образцовъ.

„Береженаго и Богъ бережетъ“.

Сообщеніемъ положенныхъ программю знаній и религозно-нравственнымъ воспитаніемъ дѣтей далеко не исчерпывается назначеніе начальной школы: она должна еще, насколько это доступно для нея, ознакомить дѣтей съ санитарными и гигиеническими требованіями. Необходимо приучить дѣтей прежде всего къ чистоплотности, такъ какъ нечистоплотность сплошь и рядомъ является одною изъ главныхъ причинъ распространенія той или другой заразной болѣзни. Это такая аксіома, отрицать которую никто не станетъ, и нагляднымъ подтвержденіемъ которой служитъ тотъ фактъ, что заразныя болѣзни долше и, такъ сказать, упорнѣе держатся среди крестьянскаго населенія, въ большинствѣ случаевъ живущаго въ довольно грязной обстановкѣ. Я, конечно, не специалистъ въ медицинскомъ дѣлѣ, чтобы проводить тѣ или другіе гигиеническіе взгляды, но въ школьной жизни есть такія стороны, на которыя не только слѣдуетъ, а и должно обратить серьезное вниманіе.

Въ данной замѣткѣ мнѣ хочется подѣлиться со своими собратьями по профессіи своимъ взглядомъ по поводу чистаго содержанія грифельныхъ досокъ. Доски эти, благодаря матеріальной необезпеченности начальныхъ школъ, какъ извѣстно,—въ большемъ употребленіи; на нихъ приходится писать даже болѣе,

чѣмъ на бумагѣ. Написанное на этихъ доскахъ обыкновенно стирается слюной, отъ которой рамки ихъ очень быстро загрязняются и даже засаливаются до того, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ употребленія пріобрѣтаютъ темный, глянцевитый оттѣнокъ. Подобное грязное содержаніе досочныхъ рамокъ, кажущееся съ перваго взгляда мелочью, можетъ имѣть однако довольно печальныя послѣдствія. Загрязненныя рамки могутъ явиться передаточнымъ источникомъ заразы, напр. кори, скарлатины, дифтерита и другихъ дѣтскихъ болѣзней, — особенно, если доски эти были въ употребленіи у больныхъ дѣтей.

Насколько вѣренъ мой взглядъ на грязное содержаніе досочныхъ рамокъ, судить не берусь, но могу дать простой совѣтъ, какъ избѣгнуть подобнаго загрязненія этихъ рамокъ. Стоитъ только сказать дѣтямъ, чтобы они мыли водою рамки у своихъ досокъ, какъ они охотно исполняютъ совѣтъ учителя, — да не только охотно, а даже съ удовольствіемъ. Рамки эти они будутъ мыть дома при первой возможности, — при чемъ у нихъ явится даже соревнованіе и стремленіе перещегоолять другъ друга чистотою своихъ досокъ.

Мысль о чистомъ содержаніи рамокъ у грифельныхъ досокъ, конечно не придетъ дѣтямъ въ голову, — но ее обязаны, въ интересахъ ихъ здоровья, сообщить имъ тѣ, кому Богъ судилъ стоять у школьнаго дѣла, — обязаны, чтобы не быть нравственно-отвѣтственными въ томъ случаѣ, если загрязненныя рамки явятся источникомъ заразы.

„Береженаго вѣдь и Богъ бережетъ“.

Устюжскаго у. Мезгинской ц.-пр. шк. учитель

Василій Образцовъ.

Освященіе храма и пребываніе протопресвитера А. А. Желобовскаго на его родинѣ, въ Желобяхъ.

Въ селѣ „Петровъ Починокъ“, что въ Желобяхъ, укромно пріютившемся на окраинѣ Бѣлозерскаго уѣзда, Новгородской губ., совершилось 28 августа сего 1905 года давно ожидавшееся вѣдми торжество освященія о. Протопресвитеромъ военнаго и морскаго духовенства Александромъ Алексѣевичемъ Желобовскимъ вновь отстроеннаго и расширеннаго теплаго придѣла ихъ при-

ходской церкви, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ торжественныхъ служеній въ обновленномъ храмѣ. Торжества еще усугубились тѣмъ, что освященіе храма совпало какъ разъ съ днемъ тезоименитства о. Александра, первый разъ въ санѣ протопресвитера проводившаго день своего ангела у себя на родинѣ, въ кругу близкихъ ему людей.

Троицкая Желобовская церковь построена въ 1806 г.,— каменная, трехпрестольная, съ главнымъ придѣломъ въ холодной церкви во имя Живоначальной Троицы и двумя въ теплой— во имя св. Николая Мирликійскаго чудотворца и св. мученицы Параскевы. Зимній храмъ ея до перестройки отличался крайнею малопомѣстительностію и неудобствами, представляя тѣсное и недостаточно свѣтлое помѣщеніе на 300—400 молящихся, а въ послѣдніе годы, когда численность приходскаго населенія возросла до цифры 1250 человекъ обоого пола, уже не могъ удовлетворять своему назначенію. Увеличить размѣры его являлось неотложною необходимостью. Починъ переустройства и расширенія церкви и осуществленіе его принадлежатъ всецѣло отцу Протопресвитеру А. А. Желобовскому, при содѣйствіи и руководствѣ котораго и выработанъ былъ однимъ Петербургскимъ архитекторомъ планъ на перестройку обоихъ придѣловъ теплой церкви, сообразно современнымъ потребностямъ прихода, при чемъ рѣшено было разобрать всю кирпичную кладку, въ томъ числѣ и колокольню, до основанія, оставивъ въ неприкосновенности лишь алтари, какъ оказавшіеся, по осмотрѣ ихъ, прочными и достаточно удобными. По испрошеніи на это разрѣшенія Епархіальнаго Начальства въ 1903 году приступлено было къ работамъ—разборкѣ стѣнъ, заготовкѣ кирпича и другихъ необходимыхъ матеріаловъ. По смѣтѣ весь расходъ исчислялся въ 6100 руб., но въ дѣйствительности, благодаря усердію прихожанъ, принявшихъ на себя безвозмездно подвозку кирпича, песку, глины и проч., работы обошлись на 1800 р. дешевле, а именно всего 4300 руб. Начатая вначалѣ 1904 г. кладка стѣнъ и всѣ остальные работы ко дню освященія были совершенно закончены и храмъ готовъ, за исключеніемъ колокольни, каковую проектируется поставить впослѣдствіи отдѣльно отъ храма, въ церковной оградѣ, устроивъ ее въ видѣ звонницы по примѣру старинныхъ церквей. Отецъ протопресвитеръ, все время съ живѣйшимъ интересомъ слѣдившій за ходомъ постройки, былъ однимъ изъ главныхъ жертвователей на возобновленіе храма: въ самый послѣдній разъ (въ мартѣ текущаго

года) прислано имъ въ церковь 500 руб. деньгами, и кромѣ этого, разной утвари (хоругви, иконы, облаченія и пр.) на сумму до тысячи руб.

Вновь построенный храмъ рассчитанъ вмѣстимостью на 1000 приблизительно человекъ и въ противоположность прежнему, отличается вполне современнымъ устройствомъ—просторный, свѣтлый, съ высокими потолками и прекрасной акустикой. Высота храма внутри $2\frac{1}{2}$ саж., длина до иконостасовъ 6 саж. 1 арш., ширина—7 саж. Входныя двери двухстворныя, большихъ размѣровъ. Отъ помѣщающихся въ стѣнахъ съ западной стороны калориферныхъ печей подъ всѣмъ поломъ проведены вытяжныя трубы, что даетъ постоянно притокъ свѣжаго воздуха и вентилируетъ помѣщеніе. Окна имѣютъ красивую полуциркулярную форму и расположены по 5 въ каждомъ придѣлѣ, въ томъ числѣ по одному въ алтаряхъ. Внутри храма идутъ четыре изящныя четырехгранныя колонны и какъ бы раздѣляютъ его на двѣ совершенно равныя части, по числу придѣловъ. Вся кладка и штукатурка исполнены на цементѣ прочно и красиво. Иконостасы временно поставлены изъ старой церкви и ихъ предполагается замѣнить новыми.

Общее впечатлѣніе отъ всего внутренняго устройства—чего то свѣтлаго, отраднаго. Нѣтъ той нагроможденности массивныхъ колоннъ, несоразмѣрно громадныхъ печей, низкихъ неуклюжихъ сводовъ и т. п., чѣмъ такъ отличается большинство зимнихъ храмовъ въ нашихъ сельскихъ церквахъ. Все—просто и изящно.

Освященіе храма привлекло въ Желоби массу богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ уѣзда. Началось торжество освященія отправленіемъ съ вечера 27 августа, всенощнаго бдѣнія обновленію храма, совершеннаго при участіи о. Протопресвитера, протоіерея Ісаяно-Богословской церкви г. Бѣлозерска о. Михаила Бѣляева и другихъ прибывшихъ въ Желоби священниковъ. На слѣдующій день о. Протопресвитеръ совершилъ соборне и чинъ освященія храма. За позднюю литургіей въ обычное время, послѣ „буди имя Господне“, о. Протопресвитеръ произнесъ слово, поучительно указывавшее на значеніе совершившагося торжества освященія храма.

Душа моя въ настоящія минуты такъ полна воспоминаніями событій самаго ранняго дѣтства, что я чувствую потребность и не могу не подѣлиться ими съ вами, бр. христіане.

Настоящій день для меня знаменательный. 28 августа, назадъ тому 71 годъ, явился я на свѣтъ Божій.

Господь, по неисповѣдимымъ судьбамъ, благословилъ меня въ этомъ году день рожденія проводить на мѣстѣ родины,—и проводить при особенныхъ обстоятельствахъ. Сегодня я освятилъ придѣлъ церкви, гдѣ въ лѣта дѣтства и отрочества учился молиться, подѣ руководствомъ моихъ незабвенныхъ родителей. Боже мой! Сколько воспоминаній самыхъ свѣтлыхъ, отрадныхъ, утѣшительныхъ! Дивное дѣло? Родители мои—были бѣдные, неученые, или мало ученые, а сумѣли оставить неизгладимыя впечатлѣнія—своимъ трудолюбіемъ, своимъ незлобіемъ, своею любвеобильностію.

Болѣе 100 церквей, въ періодъ управленія военнымъ духовенствомъ, освятилъ я для христолюбиваго Россійскаго воинства, нѣсколько изъ нихъ—при особенно торжественной обстановкѣ въ присутствіи Государя Императора, Государынь Императрицъ, Великихъ Князей, при отличныхъ хорахъ пѣвчихъ и музыки. Одну церковь Господь мнѣ судилъ освятить даже за границею въ Болгаріи, гдѣ при подножіи Балканскихъ горъ, тысячи—десятки тысячъ нашихъ воиновъ назадъ тому 27 лѣтъ сложили свои головы за освобожденіе единовѣрныхъ намъ христіанъ. 10000 стояло Болгаръ около церкви и всѣ эти десять тысячъ пали на колѣна и преклонились до земли при совершеніи крестнаго хода.

Памятны событія эти и не могутъ быть забыты мною, но предѣ сегодняшнимъ торжествомъ для меня они теряютъ свой блескъ. Храмъ мною сегодня освященный—родной, близкій, дорогой для меня: здѣсь посѣяны первыя сѣмена любви къ труду, къ молитвѣ, къ ближнимъ; здѣсь—сердобольный отецъ добывалъ тяжкимъ трудомъ средства къ жизни и послѣдній рубль тратилъ на мое обученіе; здѣсь любвеобильная мать напутствовала меня въ Новгородскую семинарію, за 600 верстъ, изъ коихъ половину приходилось идти пѣшкомъ,—сухарями; здѣсь подѣ сѣнію сего св. храма покоятся они въ могилахъ, которыя для меня священны, и поклониться которымъ составляетъ для меня утѣшеніе. Вотъ почему храмъ сей для меня особенно дорогъ.

Освященіе храма на родинѣ, гдѣ проведены самыя лучшія годы моей жизни, гдѣ пріобрѣтены мною задатки того благополучія, коимъ я нынѣ пользуюсь, для меня событіе необычайное.

Много радостей посылалъ мнѣ Господь, но такой радости я никогда еще не испытывалъ.

Понимаете-ли вы, други мои, что такое Церковь? Это—самая чадолюбивая мать, заботящаяся о насъ съ колыбели до могилы.

Является человекъ на свѣтъ. Сосѣди и близкіе родные не знаютъ о его рожденіи, а Церковь, въ лицѣ своего пастыря, уже молится о матери и младенцѣ, слабыхъ и болѣзненныхъ, чтобы Господь сохранилъ и укрѣпилъ ихъ. Спѣшитъ она, сердобольная, совершить надъ ребенкомъ святое крещеніе, чтобы оградить душу его отъ злаго духа и даровать ей небеснаго хранителя, въ лицѣ ангела Божіаго.

Подростетъ ребенокъ: нужно учить его грамотѣ, и разнымъ наукамъ. Святая Церковь возноситъ трогательныя молитвы къ Отцу небесному, чтобы Онъ укрѣпилъ душевныя его силы, даровалъ понятливость, къ познанію добра и удаленію отъ зла.

Настанетъ время вступленія въ супружество: нельзя безъ умиленія и слезъ слышать молитвы, которыми Церковь благословляетъ жениха и невѣсту на семейную—счастливую жизнь.

Достигнетъ человекъ зрѣлаго возраста: занятія, заботы, труды. На всѣ случаи у Церкви есть молитвенныя благожеланія о помощи и успѣхахъ.

Идетъ человекъ въ путь далекій, отправляется на войну,—св. Церковь испрашиваетъ ему у Господа ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя и покровителя.

Въ годину испытаній за грѣхи, во время губительныхъ болѣзней, засухи, сильныхъ дождей—Церковь совершаетъ крестныя ходы, и едиными устами и единымъ сердцемъ взываетъ къ милосердію Божію, чтобы оно преложило гнѣвъ на милость.

Особенную любовь свою церковь проявляетъ человеку, когда наступаетъ для него часъ смертный. Кто спѣшитъ къ одру умирающаго? Кто напутствуетъ его на тотъ свѣтъ и облегчаетъ переходъ въ загробную жизнь? Кто благословляетъ при послѣднемъ вздохѣ,—какъ не служитель алтаря?

Умеръ человекъ. Пройдетъ 5—10 лѣтъ, многіе забудутъ покойника, но Церковь всегда его помнитъ и не перестаетъ молиться о немъ. Она, какъ любящая мать, на каждой службѣ молится о всѣхъ преждепочившихъ отцѣхъ и братіяхъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ; особенно же о блаженныхъ и приснопамятныхъ создателяхъ св. храмовъ Божіихъ.

И какъ любили Церковь Божію святые угодники и праведные!

Самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ съ Пречистою Матерію ходилъ каждый годъ изъ Назарета въ Іерусалимъ на праздникъ пасхи. Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій не начиналъ ни одного важнаго дѣла, не помолившись

въ храмъ святой Софіи. Сергій Радонежскій самъ устроилъ деревянную церковь и молился въ ней при свѣтѣ лучины.

Наши предки благочестивые любили церковь Божию.

И вы, други мои, любите храмъ Божій, посѣщайте его не-
лѣностно, стойте здѣсь благоговѣнно, помня, что это домъ Бо-
жій, что здѣсь обитаетъ самъ Господь. А главное, живите въ
любви между собою, — живите такъ, чтобы о васъ всегда вспо-
минали добрымъ словомъ.

Меня на родину всегда влекла любовь къ родителямъ — и
при ихъ жизни, и по смерти: такъ сумѣли они въ моемъ сердцѣ
воспитать ее.

Родители! Живите такъ, чтобы дѣти поминали васъ добромъ.
А вы, дѣти, любите и не забывайте родителей. Помните слова
святаго писанія: чти отца твоего и мать твою, да благо ти
будеть и да долготѣнъ будешь на земли.

Помните, и не забывайте!

По окончаніи литургіи, совершенно было о. Протопресвите-
ромъ, въ сослуженіи 8 священниковъ и 3 діаконовъ, молебствіе
св. мученицѣ Параскевѣ, съ возглашеніемъ обычныхъ многолѣтій.
Предъ началомъ молебна, когда духовенство вышло на средину
храма, къ о. Протопресвитеру подошелъ мѣстный священникъ
о. Павелъ Новиковъ и обратился къ нему съ рѣчью:

Ваше Высокопреподобіе, глубокочтимый о. Александръ!

Позвольте мнѣ, какъ настоятелю храма, отъ лица всѣхъ
прихожанъ здѣсь во святомъ храмѣ принести Вамъ глу-
бокую и сердечную благодарность. Вы хотя отдалены отъ насъ
пространствомъ, но присны и близки намъ духомъ. Вы не только
помогаете намъ словомъ и дѣломъ въ каждомъ добромъ начи-
наніи, но и желаете добра приходу сему болѣе, чѣмъ онъ самъ
можетъ желать себѣ. Вашимъ попеченіемъ устроена и поддер-
живается въ нашемъ селѣ школа. Усердіемъ Вашимъ открытъ
пріютъ для бѣдныхъ изъ прихожанъ. А что особенно дорого,
такъ — это украшеніе нашего бѣднаго храма. Украшается нашъ
храмъ исключительно, можно сказать, Вами, Вашимъ усердіемъ
и заботливостью. Здѣсь все, на что ни посмотришь, Ваше усер-
діе, Вашъ даръ. Каждый изъ моихъ прихожанъ, приходя въ
сей храмъ и видя Ваши благодѣянія, проникается благодарно-
стію къ Вамъ и возноситъ теплыя молитвы къ Господу Богу о
Вашемъ здравіи. Знакомъ нашей любви и благодарности къ
Вамъ да будетъ икона сія св. Благовѣрнаго и Великаго князя
Александра Невскаго, имя котораго Вы носите, и которую мы

усерднѣйше просимъ принять отъ насъ. Онъ, молитвенникъ и ходатай нашъ предъ Богомъ, пусть молится о Васъ, да сохранитъ Васъ Господь на многія лѣта.

При заключительныхъ словахъ рѣчи вручена была о. Протопресвитеру въ сребропозлащенной ризѣ икона св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, которую облобызавъ о. Александръ растроганно сказалъ: Неожиданно совершенно для меня это подношеніе. Благодарю Васъ, батюшка, за содѣйствіе и труды Ваши по устройству храма. Въ поднесеніи Вами св. иконы я вижу усердіе и любовь прихожанъ къ храму Божію, который для меня особенно дорогъ, такъ какъ я въ немъ началъ молиться, и подъ сѣнію его почиваютъ мои родители. Ваше усердіе по перевозкѣ матеріаловъ я цѣню. Продолжите любовь Вашу къ храму Божію и не оставляйте его, чѣмъ можете.

29 августа, пользуясь свободнымъ временемъ и хорошей погодой, остававшіеся у о. Протопресвитера гости утромъ вмѣстѣ съ нимъ предприняли прогулку въ Ростани,—лѣсокъ съ пустошью въ полуверстѣ отъ села, гдѣ находился прежде сѣнокосъ его отца Алексѣя Ивановича Желобовскаго, съ цѣлю посмотреть на родныя для о. Александра мѣста, а также набрать грибовъ, которыхъ тамъ изобиліе. Дорогою о. Протопресвитеръ, одѣтый попросту въ одномъ подрясникѣ, дѣлился съ своими спутниками воспоминаніями изъ далекаго прошлаго Желобей и по временамъ вмѣстѣ съ другими заглядывалъ въ лѣсокъ поискать грибовъ. Въ одномъ мѣстѣ среди небольшой поляны замѣтны были слѣды какого-то строенія. Оказалось, что здѣсь стоялъ когда то сѣноваль родителя о. Александра. Это мѣсто было конечнымъ пунктомъ прогулки, отсюда пошли обратно. Вотъ и грибовъ набрали,—сказалъ о. Протопресвитеръ, возвращаясь домой, и воздухомъ подышали, и сѣноваль увидали, и удовольствіе получили, и—слава Богу!

Вечеромъ, 29 августа по случаю на другой день праздника св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго и тезоименитства о. Протопресвитера, въ Желобовской церкви совершенно было торжественное всенощное бдѣніе, а на другой день, 30 августа, совершена была литургія. Прямо изъ церкви совершавшей литургію о. Протопресвитеръ прошелъ на кладбище, гдѣ отслужилъ краткую литію на могилѣ своихъ родителей и, не заходя домой, отправился въ основанный имъ и содержимый на его средства пріютъ для престарѣлыхъ мужчинъ и женщинъ, гдѣ, по совершеніи молебствія и окропленія святой водой помѣщенія пріюта,

принималъ поздравленія и пожелалъ откушать чая вмѣстѣ съ обитателями его. Отъ прихожанъ церковнымъ старостою поднесены были о. Александру по русскому обычаю хлѣбъ—соль, а псаломщикомъ—пчеловодомъ П. Н. Кузнецовымъ медъ въ сотахъ, съ пожеланіемъ счастія и здоровья.

Начало богадѣльнѣ положено о. Протопресвитеромъ въ 1900 г. и сначала она рассчитана была всего на 4—5 призрѣваемыхъ содержаніе коихъ обезпечено было вѣчнымъ вкладомъ въ 3600 руб. Лѣтомъ текущаго 1905 г. на средства о. Александра пріютъ былъ расширенъ вдвое противъ прежняго пристройкою къ нему новаго помѣщенія и снабженъ, кромѣ того, хлѣвомъ для коровы, дворикомъ, кладовой для провизіи и банею. Вся постройка обошлась, при готовомъ матеріалѣ и дешевизнѣ рабочихъ рукъ въ деревнѣ всего—201 руб. 16 коп.

Зданіе богадѣльни въ настоящемъ его видѣ представляетъ красивый, обшитый тесомъ и выкрашенный масляною краскою флигель съ 4 окнами по фасаду, 5 съ западной и 3 окнами и входнымъ крыльцомъ съ восточной стороны. Длина его болѣе 7 саж., ширина фасада 3 с. 1 арш. Передъ домикомъ устроенъ полисадъ, засаженный деревцами, въ которомъ удобно посидѣть и отдохнуть старушкамъ. Внутри пять чистенькихъ уютныхъ комнатъ; въ одной изъ нихъ виситъ на стѣнѣ большой портретъ о. Протопресвитера. При богадѣльнѣ имѣется огородъ (около 300 кв. с.), снабжающій призрѣваемыхъ, число которыхъ въ послѣднее время увеличилось до 7 человекъ, годовымъ запасомъ овощей, собственная корова—словомъ, ведется маленькое хозяйство. Неприкосновенный капиталъ на содержаніе богадѣльни за пять лѣтъ достигъ—7000 руб., изъ которыхъ тысяча руб. внесена недавно одной Петербургской благотворительницей на учрежденіе при богадѣльнѣ стипендій имени о. Протопресвитера. Кромѣ обычнаго содержанія, въ воскресные и праздничные дни за счетъ о. Александра призрѣваемымъ отпускается для улучшенія стола по булкѣ каждому. Хозяйственная сторона вообще поставлена образцово. Во всемъ видно не показное, а самое сердечное отношеніе къ дѣлу. Прекраснымъ состояніемъ пріютъ много обязанъ участію проживающей постоянно въ Желобяхъ вдовѣ военнаго священника Таисіи Матвѣевнѣ Барбаринской и супругѣ псаломщика Марьѣ Матвѣевнѣ Кузнецовой. Обѣ молодыя женщины, живя въ глуши деревни, съ любовью отдають свои силы и досуги безкорыстному служенію ближнимъ. Побольше бы такихъ выдающихся добрыхъ женщинъ!

Изъ богадѣльни о. Александръ прошелъ къ себѣ домой.

Въ часъ дня въ квартирѣ о. Протопресвитера собрались приглашенные имъ гости и раздѣлили съ нимъ скромную трапезу. Во время обѣда импровизированнымъ хоромъ любителей исполнено было „Боже, Царя храни“ и кантъ въ честь именинника.

Вечеромъ хоръ имѣлъ счастье вторично пѣть въ присутствіи о. Протопресвитера и, по желанію его, исполнилъ нѣсколько номеровъ протяжныхъ старинныхъ пѣсень, какія приходилось слышать о. Александру прежде, еще во времена юности, у себя на родинѣ.

1 сентября утромъ о. Протопресвитеръ выбылъ въ С.-Петербургъ, прогостивъ въ этотъ пріездъ въ Желобяхъ съ 25 августа—ровно недѣлю.

Б.

Хроника епархіальной жизни.

25 сентября сего года освящена церковь—школа въ м. Сизьма, Кирилловскаго уѣзда, что на берегу р. Шексны, между ст. Ниловицы и Ковжей. Не особенно давно совершенно безлюдное,—почти глухое мѣстечко, со всѣхъ сторонъ окаймленное лѣсами, Сизьма привлекла къ себѣ насельниковъ, 5—6 домохозяевъ, изъ разныхъ мѣстъ Кирилловскаго и Череповецкаго уѣздовъ. И теперь всего числится собственно въ м. Сизьма 18 домохозяевъ и 2 дома землевладѣльцевъ Зайцевыхъ. Брошенные судьбой, быть можетъ, очень далеко отъ своихъ родныхъ полей, сизьмари должны были приписаться къ Уломской церкви, какъ ближайшей (въ то время еще не было Ниловицкой церкви), и отстоящей отъ нихъ въ 10—12 верстахъ. Религіозное чувство, тяжело переживавшее дальность разстоянія отъ церкви, заставило сизьмарей ихъ поставить у себя не первыхъ порахъ, въ 1886 г. часовню. Въ 1901 г. сизьмари, по инициативѣ одного смѣлаго, энергичнаго, можно сказать, во главѣ стоящаго всего селенія, крестьянина Ивана Герасимовича Скородумова и мѣстнаго священника А. Дьякова, открываютъ у себя школу грамоты. Последняя за 4 года своего существованія уже дала три выпуска учениковъ и ученицъ со свидѣтельствами и похвальными листами. Въ минувшемъ году насель-

ники м. Сизьмы рѣшились устроить у себя церковь—школу. Проходить одинъ, при томъ, необинуясь можно сказать, самый изъ ихъ жизни тяжелый годъ, и церковь у нихъ готова къ полному освященію. Ко дню освященія были приобрѣтены уже 4 колокола, подъемъ коихъ и состоялся наканунѣ освященія, передъ всенощной, т. е., 24 сентября. Въ самой церкви все было готово до мельчайшихъ церковныхъ потребностей: сребропозлащенные сосуды, 3 подсвѣчника, — новенькія лампы предъ иконостасомъ—съ золочеными колоннами, приличное храму паникадило, 7-ми свѣчникъ за престолъ, для крестнаго хода изящной работы запрестольные иконы и кресты, сосудъ для благословенія хлѣбовъ, словомъ:—все необходимое для церкви. На торжество освященія церкви-школы, по приглашенію, прибыла масса богомольцевъ не смотря на то, что 24 сентября всю ночь и 25 былъ большой дождь. Не болѣе $\frac{1}{3}$ части прибывшихъ могла вмѣстить въ себя церковь; а $\frac{2}{3}$ должны были стоять внѣ ея. Къ сожалѣнію, торжество ограничилось поднятіемъ на колокольню звона и освященіемъ только иконостаса. Наканунѣ совершалъ все Богослуженіе, по уставу положенное, Уломской церкви священникъ, а 25-го сентября, по порученію послѣдняго, Богъ привелъ отслужить мнѣ пишущему сіи строки, утреню съ литіей, часы и молебенъ св. Чудотворцу Николаю, въ честь котораго устроенъ и самый храмъ, при участіи пѣвчихъ изъ учениковъ мѣстной школы—грамоты и нашей Ковжской, довольно стройно исполнившихъ свое дѣло во главѣ со псаломщикомъ Смирновымъ. По окончаніи молебна торжество было закончено молитвою съ колѣнопреклоненіемъ о здравіи Государя Императора и обычными многолѣтіями. Провозглашена была и вѣчная память всеѣмъ погибшимъ на полѣ минувшей брани и въ морѣ утонувшимъ воинамъ.

Священникъ *А. Колкачскій.*

II. С о о б щ е н і я.

Божественное происхожденіе страданій.

Кто создалъ страданіе? Кто далъ ему эту силу просвѣщать, очищать, украшать и освящать душу? Кто льетъ страданіе на душу, какъ льютъ на поля лучи солнца и росы? Кто, вышній

Ваятель, обдѣлываетъ души, чтобы онѣ стали прекрасны, и не потому ли Богъ выбираетъ этотъ путь любви и страданій для нихъ, потому что Самъ ихъ любить? Прислушайтесь къ этому послѣднему высшему утѣшительному выводу. Бываютъ кресты настолько тяжелые, что нѣтъ утѣшеній, чтобы помочь людямъ ихъ нести. Есть страданія настолько безконечныя, что для нихъ нужны и безконечныя утѣшенія.

Поймите же, что Богъ не только благъ, премудръ, великъ и милосердъ. Поймите, что Онъ насъ любить, что у Него къ намъ болѣе, чѣмъ доброта и любовь, и рядомъ съ Его любовью чувства любви людей кажутся только тѣнями, блѣдными опавшими, сухими листьями. И развѣ можетъ быть иначе? Неужели сердце Бога есть сердце мертвое, неумѣющее любить? Развѣ оно можетъ быть однимъ изъ тѣхъ полусердецъ, въ которыхъ нѣтъ никакого огня и жалкія искры которыхъ падаютъ только на себя и неспособны упасть на другихъ и воспламенить ихъ?

Его сердце не можетъ принадлежать къ тѣмъ безсильнымъ сердцамъ, которыя любятъ на самомъ дѣлѣ горячо, но которыя не умѣютъ воплотить свои мечты. Не можетъ же Его любовь ограничиваться только увѣреніями, что Онъ, Отецъ нашъ, насъ любить. Представьте же себѣ отца, который бы былъ всемогущъ, у котораго воля и сердце были бы одинаково развиты. Взвѣсьте только эти два слова: безконечная любовь. Вѣдь громадная сила и во временной любви, —какова же сила любви безграничной! Вдумайтесь въ это слово: безконечное. Безконечное, то-есть неисчерпаемое. Безконечное, то-есть непобѣдимое. Безконечное, то-есть никогда не устающее подавать дары, но никогда не удовлетворяющееся тѣмъ, что получаетъ.

„Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всѣмъ умомъ твоимъ, всѣмъ помышленіемъ твоимъ“.

Вотъ чего требуетъ Господь, и требуетъ потому, что то же даетъ. Эту заповѣдь можно было бы перевести такъ: „Твой Богъ ревнуетъ тебя“. Эта мысль звучитъ на Синаѣ и на Голгоѣ, въ два момента, когда Онъ наиболѣе приблизился къ человѣчеству. Вѣдь эти истины были начертаны громами и молніями, а также слезами и кровію, чтобы люди знали это, чтобы не могли этого забыть.

Теперь, въ свѣтѣ этой истины, постарайтесь постичь дѣйствія Божества.

Богъ любитъ души людей, ревнуетъ объ ихъ красотѣ. Онъ ихъ поставилъ на мгновеніе во время, чтобы дать имъ личное

величіе, то совершенство, которое одна свобода можетъ придать созданіямъ Божиимъ. Съ какою нѣжностью Онъ слѣдитъ за ихъ жизнью, поддерживаеъ ихъ руки во время этого короткаго, но плодотворнаго труда. Онъ распредѣляетъ людямъ радости и горе, любовь и страданія, съ единственной цѣлью украсить ихъ, наподобіе великаго художника, который умѣлой рукой разсчитываетъ свѣтъ и тѣни, чтобы составить чарующую картину.

Знаменитый проповѣдникъ Лакордеръ пишетъ одному молодому человѣку, пораженному сердечнымъ горемъ, котораго онъ не могъ ни превозмочь, ни забыть:

„Если Богъ жаждетъ всей вашей души, надо ли удивляться тому, что Онъ сметаетъ съ ея пути все, что бы могло ее сковать? Писаніе называетъ Его Богомъ ревнивымъ. Если Богъ желаетъ, чтобы вы любили Его, исключительно Его одного, то какъ же Онъ не позаботится о томъ, чтобы не плѣнили вашу душу невыразимо-дорогія утѣхи, которыя могла бы дать вамъ чистая привязанность: эти ласки, о которыхъ вы мечтали, эта тихая узаконенная любовь, которая струилась бы, какъ бальзамъ, въ ваше влюбленное сердце?“

Онъ прибавляетъ слѣдующія прекрасныя слова: „Когда Богъ поражаетъ насъ Своими ударами, то это для того, чтобы мы не искали ничего внѣ Его. Ни иной главы, кромѣ окровавленной главы нашего Спасителя; ни иныхъ глазъ, кромѣ Его глазъ; ни иныхъ губъ, кромѣ Его губъ; ни иныхъ плечъ, къ которымъ бы можно было прильнуть, кромѣ Его плечъ, изсѣченныхъ бичомъ; ни иныхъ рукъ и ни иныхъ ногъ для поцѣлуевъ, кромѣ Его рукъ и Его ногъ, прободенныхъ гвоздями изъ-за любви къ намъ; чтобы мы не стали исцѣлять другихъ ранъ, кромѣ Его Божественныхъ и вѣчно сочащихся ранъ.“

„Да, другъ мой, любовь есть всегда любовь! Вы жалуетесь, что васъ не любятъ, а Богъ далъ вамъ въ сердце чистую, громадную, непобѣдимую любовь. Вы думали примѣшать въ ваше сердце другую, плотскую любовь; а Богъ, Который, быть можетъ, этого не желаетъ, васъ поражаетъ. Онъ обнаруживаетъ предъ вами всю суету міра, Онъ распинаетъ васъ для того, чтобы разжечь вашу любовь къ Нему и заставить васъ подражать Распятому. Божественное намѣреніе Его относительно всѣхъ людскихъ жизней есть то, чтобы люди любили Его, и весь Промыслъ Его направленъ къ этой цѣли.“

Да, все направлено сюда: разрушенныя мечты и молніеносные удары, разбивающіе счастье нашей жизни. Все преду-

смотрѣно тою Божественною ревнующею любовью, которая ищетъ любви какою бы то ни было цѣною въ человѣкѣ. Въ этомъ великій смыслъ страданій, въ этомъ дивный смыслъ смерти. Страстная любовь Божія къ людямъ стремится довести ихъ души до совершенной красоты. И если Божь видитъ, что между душою, которая по складу своему способна на безграничную, благодарную и вѣрную любовь къ Нему, и Божествомъ стоять преградою иныя привязанности, земные вкусы и суетныя увлеченія, — Богъ разбиваетъ все то, что любило человѣкѣ и что удаляло Его отъ Бога, и тогда душа невольно схватывается за Господа и въ единеніи съ Нимъ находитъ болѣе высшее и болѣе совершенное счастье, чѣмъ то, какое давало ей раньше земля и за которое она такъ жадно цѣплялась.

Та же промыслительная забота о совершенствованіи души человѣческой руководитъ Богомъ и въ ниспосланіи человѣку смертнаго часа. Иногда Богъ тихо, терпѣливо идетъ въ душу человѣческую. Онъ даетъ ей медленно созрѣвать въ горнилѣ страданій и беретъ ее къ себѣ, когда она освободилась отъ всякой горечи, отказалась отъ всякаго ропота. Таковы смерти старыхъ людей, которыхъ Богъ такъ долго ждалъ.

Въ другихъ же случаяхъ Богъ спѣшитъ отозвать изъ міра нѣкоторыя души, которыя лишь недолго въ немъ побыли. Ихъ жалѣютъ. Изъ-за нихъ Бога упрекаютъ въ жестокости; между тѣмъ именно въ такихъ случаяхъ выражается вся предусмотрительность и нѣжность Божественной любви. Еще въ древніе вѣка какимъ-то непостижимымъ чутьемъ завидовали участи этой рано уходящей изъ жизни молодежи. Священное Писаніе желаетъ, чтобъ сквозь слезы, которыя вызываетъ смерть этихъ людей, человѣчество восхищалось тою любовью безконечною, которая срываетъ зрѣлый плодъ до наступленія лѣта, и тою любовью предусмотрительною, которая опасается слишкомъ сильнаго роста для слабаго растенія.

Родители говорятъ: „Наше дитя было такъ чисто.“ Но именно потому и сердце Божіе восхитилось имъ... „Мы такъ Его любили!“ Пусть; но, кромѣ васъ, было другое Существо, Которое любило ваше дитя не менѣе васъ, любило и знало его раньше и больше, чѣмъ знали его вы; Которое больше, чѣмъ вы, было для него отцомъ и матерью и Которое сдѣлало для него то, что сдѣлали бы вы сами, будь вашъ разумъ и ваше могущество столь же велики, какъ была ваша любовь.

Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ писатель, слова котораго мы недавно приводили: „Все наше несчастіе въ забвеніи того, что мы любимы Кѣмъ-то еще другимъ, кромѣ насъ, и что Богъ не даромъ называетъ себя въ Писаніи Богомъ ревнующимъ. Въ нашихъ родительскихъ привязанностяхъ мы забываемъ Того, Кто любить сильнѣе всѣхъ людей и Кто, при всей вѣчности Своей природы, благоволилъ умереть за людей, чтобы лишить ихъ навсегда права жаловаться на Него. Такъ подымите ваши глаза въ эту область безграничной любви, и тамъ явится вамъ предметъ вашихъ слезъ. Вы увидите тамъ въ объятіяхъ Божіихъ душу, которую вы оплакиваете. Вы поймете причины того порядка вещей, который кажется вамъ жестокимъ. Вы увидите, что непорочная душа человѣческая, увлекаясь міромъ, наноситъ жестокую рану Тому, Кто былъ въ крещеніи ея первымъ Отцомъ. Оглядываясь зоркимъ взглядомъ на ту юдоль жизни, въ которой для васъ со всякимъ днемъ приближенія къ смерти остается все менѣе гора, вы убѣдитесь, что любимые вами люди скорѣе черезъ смерть избѣгли страданій, чѣмъ лишились радости, и вы будете благодарить не постижимую руку, которая раздаетъ одни лишь благодѣянія, когда простерта на Своихъ рабовъ и на Своихъ избранныхъ.“

Хвала той вѣрѣ, которая внушила геніальному мыслителю такія слова и которая дала людскому сердцу способность принять эти истины, столь возвышенныя и успокоительныя, столь блестящія и чистыя. Что значитъ около этихъ мыслей тщетное утѣшеніе человѣческой мудрости?

Эта мудрость не въ силахъ объяснить страданія. Особенно она становится въ туцикъ предъ несчастною, по людскимъ понятіямъ, судьбою самыхъ прекрасныхъ душъ, самыхъ добродѣтельныхъ семей, которыя, казалось, болѣе чѣмъ кто другой, заслуживали счастья, такъ какъ только и думали о томъ, какъ бы сдѣлать счастливыми другихъ.

Пусть эта человѣческая мудрость прищепитъ намъ свою причину этого страннаго явленія, которое способно обезкуражить добродѣтель, но пусть она также сѹмѣетъ и отереть слезы, въ чемъ мы такъ нуждаемся и что умѣетъ дѣлать религія.

Но никто кромѣ религіи, не умѣетъ утѣшать человѣчество...

Просвѣщенная религіей скорбная душа плачетъ, но плача она благословляетъ Бога. Она говоритъ: „Господи, Ты такъ хотѣлъ. Значитъ, это хорошо. Мой разумъ этого не постигаетъ.“

Моя природа желала бы отвергнуть это. О, Господи, если возможно, то да минуеть меня эта горькая чаша! Но, если нѣтъ на то Твоей воли, то да будеть!“

Правда, что сперва это „да будеть“ говорится только губами. И губы дрожатъ, произнося это слово. Но, часто повторяемое, оно, какъ бальзамъ, проникаетъ въ сердце. Мало-по-малу душа укрѣпляется. Она восходитъ выше и говоритъ: „Благъ Господь и дѣлаетъ все по благодати“. Она говоритъ еще лучше: „Богъ есть любовь, Богъ дѣлаетъ все по любви.“ Или, по крайней мѣрѣ, если разбитое сердце не способно еще на это полное исповѣданіе вѣры, оно говоритъ, какъ сказала одна молодая вдова подъ гнетомъ горя, стараясь произнести устами слова вѣры: „О, да, я надѣюсь, я убѣждена, что все, что Ты дѣлаешь Господи, все прекрасно!“

Вотъ первое утѣшеніе, которое религія даетъ душѣ: познаваніе безконечной благодати Божіей и даже подъ ударомъ сокрушающей насъ молніи увѣренность въ любви Господа.

Когда та молодая вдова, о которой, я буду говорить впоследствии, была готова пасть подъ тяжестью своего креста, кроткій и благочестивый священникъ, служившій ей ангеломъ-утѣшителемъ, составилъ, чтобы поддержать ее, молитву вѣры, которую онъ называлъ „вѣрою человѣческаго горя“. Составьте себѣ и вы, примѣнительно къ тому кресту, который несетъ „вѣрую“ вашей скорби. Но, какъ бы вы его ни составили, помѣстите туда слѣдующія слова:

„Господи, я вѣрую, что Ты благъ. Вѣрую всеми силами моей души, всею свѣтомъ моего разума, всею увлеченіемъ моего сердца, что Ты—сама благодать!“

„Господи, я вѣрую, что Ты не только благъ, кротокъ, заботливъ, снисходителенъ и милосердъ: вѣрую, что Ты безконечная Любовь. Да, вѣрую, что все Твои мысли, Твои дѣла имѣютъ источникомъ Твое сердце, что ихъ первое и послѣднее вдохновеніе—въ святой любви Твоей.“

„Господи, я люблю моего отца, мою мать, братьевъ, сестеръ, мужа, дѣтей; глубоко люблю тѣхъ, кого я люблю; но я вѣрю, Господи, что Ты любишь меня еще больше.“

„Господи, я не хотѣла бы ни за что сдѣлать зла своему ребенку, я развѣ возможно, что Ты хочешь сдѣлать зло мнѣ? Правда, я иногда его наказывала, иногда даже ударяла; я отнимала отъ него вещи, которыя ему нравились, и, не обращая вниманія на его крики, запрещала ему удовольствія, которыя

были ему пріятны. Но, Господи, искала ли я чего другого, кромѣ его блага? Я заявляю, что я не дѣлала ничего ему во вредъ, чтобы огорчить его, ничего, чтобы доказать ему мою власть надъ нимъ. И была бы противна мнѣ одна эта мысль. Блага его, только одного блага его, искала я всегда. Я готова страдать, умереть, чтобы доставить ему это благо. Господи, вотъ мое сердце, какъ отраженіе Твоего сердца! Я обнимаю мой крестъ, говоря: его посылаетъ мнѣ Божія благодать, его посылаетъ мнѣ Божія любовь. Природа моя содрогается, я не могу этого ясно понять, но я вѣрю, я закрываю глаза и, пораженная, еле живая, я успокаиваюсь на Твоемъ, вмѣстившемъ меня, сердцѣ.

„Господи, я жду съ нетерпѣніемъ, но въ мирѣ, великаго дня, когда заблеститъ надъ вселенной Твоей свѣтъ. Въ этотъ день туманъ разсѣется. Я узнаю, зачѣмъ Ты отнялъ у меня отца и мать, зачѣмъ Ты отнялъ у меня мужа; зачѣмъ въ этомъ сладкомъ гнѣздынкѣ, которое я приготовила этимъ дѣтямъ, Ты лишилъ меня одного, другого, третьяго. Я пойму, зачѣмъ было необходимо, чтобы я была не понята, покинута, перенесла измѣны и клеветы. Я буду знать, къ чему была эта болѣзнь, которая пригвоздила меня на много лѣтъ къ одру страданія. Все я пойму тогда, Господи! Но и теперь я это отчасти знаю. Слово вѣчности, полнаго свѣта, и слово могильнаго мрака — одно и то же: Богъ благъ, Богъ любовь, Богъ дѣлаетъ все по милосердію Своему, по благодати Своей.

„Ты соединишь тѣхъ, которыхъ разлучилъ, Ты осушишь ихъ слезы, Ты прольешь елей на ихъ страданія. Я жду, вѣрую и благославляю Тебя“. (Русск. Псал.).

Взглядъ на трудъ въ перво-христіанскихъ общинахъ.
Христіанство распространялось сначала среди тяжело работающаго населенія и, правда, не поучало ихъ ни „о святости труда“, ни „о высшемъ удовлетвореніи, какое доставляетъ трудъ“, но постоянно подтверждало долгъ трудиться. „Кто не трудится, тотъ пусть не ѣстъ“ (2 Солун. 3, 10)* „Всякому просящему дай и не требуй назадъ, ибо Отецъ (небесный) всѣмъ желаетъ давать изъ своихъ сокровищъ; блаженъ дающій по заповѣди; потому что чистъ пребудетъ; горе берущему; если же кто, имѣя нужду, возьметъ, чистъ будетъ; не имѣющій же нужды отдастъ отчетъ, что взялъ и на что, а будучи вверженъ въ тюрьму,

испытывается о всемъ, что сдѣлалъ, и не выйдетъ оттуда, пока не отдастъ послѣдній, кодрантъ“ (Ученіе XII апост.). Христіанству нельзя дѣлать упрека, что оно хотѣло собрать около себя нищихъ и унизить долгъ работы. Даже упрекъ въ „непроизводительности въ работѣ“ Тертуліанъ не позволяетъ отнести на счетъ христіанъ. „Какъ? люди, живущіе вмѣстѣ съ вами, люди того же самаго образа жизни, одѣянія, порядковъ и потребностей? Мы не брамины и не индійскіе гимнософисты и отъ жизни не удаляемся... Мы живемъ въ вашемъ мірѣ вмѣстѣ съ вами, пользуемся форумомъ, посѣщаемъ мясной рынокъ, бани, ваши мастерскія, конюшни и прочія ремесленныя учрежденія. Мы плаваемъ по морямъ, несемъ военную службу, занимаемся земледѣліемъ и плоды нашей работы предлагаемъ вашему употребленію (Ар. 42). Даже клирики принимали участіе въ общей промышленной жизни *). О необходимости труда мы читаемъ превосходныя слова у Климента Александрійскаго и многихъ другихъ. Мы уже упоминали, что энергія къ труду поддерживалась убѣжденіями пріобрѣтать путемъ ея средства, чтобы помогать другимъ. И это было не случайной мыслию; частое повтореніе этого положенія показываетъ, что въ немъ видѣли дѣйствительный мотивъ къ тому, чтобы трудиться съ прилежаніемъ. Часто и настойчиво повторялось, что дѣлатель достоинъ награды своей и ужасное наказаніе пророчествовали тѣмъ, кто задерживалъ плату у работниковъ (см. напр. ап. Іакова посл. 5, 4 ст.). Достоинно удивленія, что въ такомъ религіозномъ обществѣ, которому такъ была близка опасность обмана и бездѣтельности, столь трезво разсуждали о трудѣ и такъ серьезно поддерживали обязанность работать.

Но мы еще не коснулись того, что заслуживаетъ особаго вниманія. Мы уже и ранѣе приводили свидѣтельства, показывающія, что въ древнѣйшемъ христіанствѣ вмѣстѣ съ признаніемъ права cadaго христіанскаго брата на полученіе необходимаго *minimum*'а содержанія существовалъ нѣкоторый долгъ каждой общины обезпечить добываніе этого *minimum*'а посредствомъ работы или поддержанія ея. Тамъ, въ псевдоклиментовыхъ бесѣдахъ читаемъ (ер. Clem. 8): „способному къ работѣ

---

*) Впервые въ опредѣленіяхъ Ельвирскаго Собора высказано ограниченіе, но осторожное (19 с.): епископы, пресвитеры и діаконы да не отлучаются отъ своихъ мѣстъ ради заработка (*negotiaudi causa*) (только это запрещается)..., благоразумно разыскивая себѣ пропитаніе, пусть посылаютъ сыновей или свободныхъ, или служащихъ, или друзей, или кого угодно..., если желаютъ зарабатывать, пусть это дѣлаютъ внутри своей провинціи.

доставляйте работу, неспособному — состраданіе“ *), и Кипріанъ (ор. 2) считаетъ самопонятнымъ, что община, если она запрещаетъ учителю театральнаго искусства его дѣятельность, должна заботиться о немъ, т. е. если онъ ничего не можетъ достать, обезпечить ему необходимую долю для пропитанія **). Но мы не знаемъ, всегда ли этотъ долгъ исполнялся всѣми. Съ тѣхъ поръ какъ мы владѣемъ „Ученіемъ Апостоловъ“ многое измѣнилось. Здѣсь значитъ (с. 12), что никакой способный къ труду братъ не можетъ питаться на счетъ общины болѣе двухъ или трехъ дней. Существовало, слѣдовательно право общины исключать такого брата. Но это право своей обратной стороною рождало другую обязанность: „если братъ — ремесленникъ, то онъ можетъ заниматься своимъ ремесломъ и питаться. Если онъ не ремесленникъ, то озаботьтесь, чтобы среди васъ не было ни одного празднаго христіанина. Если же онъ не захочетъ ничего дѣлать (т. е. откажется исполнять указанную обществомъ работу), то онъ торгуетъ Христомъ: будьте далеки отъ такого“. Отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что христіанскіе братья искали работы въ общинѣ и она должна была доставить имъ ее. Значитъ, не только долгъ поддержки связывалъ членовъ общины, — это было *ultima ratio*, но они представляли собой еще какъ бы рабочія общества. Этотъ фактъ, по моему мнѣнію, имѣетъ важное значеніе. Общины были также общественными хозяйствами. Приведенный Кипріаномъ примѣръ показываетъ, что здѣсь дѣло шло не о риторическихъ только правилахъ. Для людей, желающихъ работать и находящихся въ нуждѣ, христіанскія общины являлись мѣстами убѣжища. Ихъ привлекательная сила должна была возвыситься чрезъ это, и разсматривая ихъ съ экономической точки зрѣнія, мы должны высоко цѣнить эти общества: способнымъ работать они обезпечивали работу, неспособныхъ оберегали отъ голода *).

---

*) „Доставляя со всякимъ благоразуміемъ прощайте незнающихъ ремесла, обсуждая предлоги необходимаго питанія; умѣющему работать — дѣло; неумѣющему — милость“.

***) Пис. 2: „если такой (комедіантъ) ссылается на недостатокъ и нужду отъ бѣдности, то въ этой нуждѣ можно помочь ему въ числѣ тѣхъ, которые питаются отъ церкви, только бы захотѣлъ довольствоваться хотя умѣреннымъ, но невиннымъ содержаніемъ“.

*) Проф. Гарнакъ. Вѣра и Раз. 1905 г. № 17.

Прогрессъ. Терминъ „прогрессъ“ сравнительно недавняго происхожденія, но понятіе или, по крайней мѣрѣ, мысль, какую мы соединяемъ съ этимъ терминомъ, весьма древняго происхожденія. Еще во время великаго философа ветхозавѣтной исторіи, премудраго Соломона, мысль о движеніи человѣчества впередъ, о томъ, что міръ постепенно совершенствуется, что подъ солнцемъ является то, чего раньше не было—эта мысль была весьма распространенной. Правда, по словамъ проф. Карѣева, вообще-то господствующимъ убѣжденіемъ древнихъ было то, что человѣчество всегда жило такъ, какъ живетъ и теперь, т. е., не двигаясь ни назадъ, ни впередъ; однако и онъ признаетъ, что „въ ихъ религіозныхъ, поэтическихъ и философскихъ концепціяхъ мы можемъ найти... свѣтлыя чаянія будущаго“, другими словами—проблески нашей идеи прогресса. Конечно, идеи прогресса въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ мы ее, у древнихъ не было. Такъ, даже греческіе и римскіе писатели, хоть и „отмѣчали иногда частный успѣхъ въ той или другой области (преимущественно въ знаніи), но и эти наблюденія не возводились въ доктрину... полную и опредѣленную... Кроме того, древніе не различали разные виды прогресса, которые намъ извѣстны... Конецъ античнаго міра,—замѣчаетъ далѣе Карѣевъ,—вовсе уже не былъ способенъ къ выработкѣ общей доктрины прогресса“.

Но вотъ явилось христіанство и идея прогресса стала быстро подвигаться въ своемъ развитіи. Правда, само христіанство не развивало никакой теоріи прогресса. По нашему мнѣнію оно и не могло опредѣленно высказывать своего взгляда на прогрессъ. Какъ религія, оно касается области главнымъ образомъ моральной. Поэтому-то, развѣ только относительно этой области мы можемъ находить въ Евангеліи нѣкоторыя указанія по интересующему насъ вопросу; но никакъ не о прогрессѣ вообще. Однако, и въ этой области христіанство говоритъ только о развитіи и усовершенствованіи личности, каждаго человѣка въ отдѣльности, а не человѣчества, какъ цѣлаго. Оно говоритъ, если можно такъ выразиться, о прогрессѣ индивидуальномъ, а не общественномъ. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ“—вотъ цѣль, которую ставитъ христіанство каждому человѣку. И этой цѣли, потому самому, долженъ стремиться достигать каждый независимо отъ общаго хода исторіи, исторія тутъ не при чемъ, она не можетъ быть такой помощницей, безъ которой человѣкъ безсиленъ осуществить свой идеаль. Апостолы Іоаннъ и Павелъ жили почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, но это не значитъ,

что они, какъ и другіе люди, были только лишь переходной ступенькой къ осуществленію идеала человѣческой жизни и человечество обѣщаетъ въ будущемъ нѣчто неизмѣримо лучшее. Въ христіанствѣ нѣтъ тѣхъ подмостковъ—людей, о которыхъ можетъ трактовать ницшеанская философія. По ученію христіанства, смыслъ жизни человѣческой не въ томъ, чтобы послужить средствомъ, простой подножкой для сверхчеловѣка или вообще— послѣднихъ въ исторіи; не къ концу исторіи оно относитъ эту цѣль, а къ концу жизни человѣка на землѣ и къ вѣчной жизни индивидуума за гробомъ. Христіанство, какъ на цѣль жизни, указываетъ на спасеніе и личное совершенствованіе, говоритъ, слѣдовательно, выражаясь современнымъ языкомъ, о прогрессѣ только индивидуальномъ. Утверждая противное, мы невольно встали бы въ такое противорѣчіе съ своими собственными мыслями, какое трудно разрѣшить. Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ указалъ, какъ на признакъ скорого второго Своего пришествія, съ одной стороны—на крайнее развращеніе рода человѣческаго, такое развращеніе, что, по Его словамъ, едва-ли Онъ, придя, найдетъ и вѣру на землѣ (Лук. 18 гл. 8 ст. Ср. Мѡ. 24 гл.); а съ другой стороны—на проповѣдь Евангелія всѣмъ народамъ (Мѡ. 24 гл. 14 ст.), для чего, очевидно, необходимы истинные ревнители добра и правды. Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы какъ будто находимъ здѣсь,—въ ученіи Христа,—свидѣтельство объ упадкѣ или, выражаясь научнымъ языкомъ, регрессѣ въ человечествѣ, но съ другой—указаніе на прогрессъ, на явленіе такихъ ревнителей Евангелія, которые будутъ обходить моря и земли, проповѣдуя всюду Евангеліе Царствія. И это противорѣчіе остается непримиримымъ до тѣхъ поръ, пока мы не признаемъ того факта, что христіанство говоритъ только о личномъ самоусовершенствованіи, а не о прогрессѣ человечества. Однако христіанское ученіе вообще должно было благотворно отразиться на существовавшей уже въ человечествѣ идеѣ прогресса. Проповѣдуя Христа, какъ Искупителя рода человѣческаго, оно утверждало ту истину, что, наконецъ, наступило желаемое всѣми „время благопріятное“, „день спасенія“, котораго тысячи лѣтъ уже ждало человечество. Вмѣстѣ съ этимъ оно косвенно, но довольно отчетливо и ясно, указывало, что не даромъ прошли для человечества эти тысячи лѣтъ, что за это время оно постепенно готовилось къ принятію Христа, становилось все болѣе и болѣе способнымъ воспринять Его. Понятно, что такія мысли представляли весьма удобную почву для раз-

витія и закрѣпленія идеи прогресса. Съ другой стороны—призывая людей къ нравственному совершенствованію: „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ (Мѡ. 5 гл. 48 ст.),—оно легко пробуждало мысль о постепенномъ усовершенствованіи не только человѣка, но и всего рода человѣческаго, какъ цѣлаго. Потому-то мы и видимъ, что въ сочиненіяхъ древнихъ христіанскихъ писателей уже довольно ясно выступаетъ эта идея постепеннаго развитія и усовершенствованія рода человѣческаго, по нашему—идея прогресса. Постараемся обосновать нашу мысль. Оставляя въ сторонѣ менѣе ясныя свидѣтельства въ нашу пользу, остановимся немного на сочиненіяхъ Бл. Августина.

По словамъ проф. Карѣева, который, очевидно, со спеціальной цѣлью изучалъ творенія Бл. Августина, въ трудахъ этого послѣдняго мы можемъ находить весьма ясныя слѣды идеи прогресса. Бл. Августинъ,—говоритъ Карѣевъ, „проводитъ аналогію между развитіемъ человѣчества и индивидуума... и находитъ только то различіе, что для всего человѣчества старость не паденіе, а совершенство“. А сочиненіе Августина „De civitate Dei“—Риго прямо называетъ христіанской теоріей прогресса. Въ средніе вѣка идея прогресса была почти совсѣмъ оставлена. Но когда началась реакція противъ средне-вѣковаго рабства мысли, когда философія мало-по-малу стала слагать съ себя обязанность „ancillae teologiae“ и въ области философіи появились болѣе или менѣе независимые отъ схоластическаго богословія труды, въ нихъ стала все яснѣе и отчетливѣе проглядывать и идея прогресса. А въ знаменитый XVIII в., извѣстный въ исторіи подъ именемъ „просвѣтительнаго“, наша идея получаетъ уже настолько широкое развитіе, что постепенно принимаетъ видъ цѣлой доктрины. Для иллюстраціи нашей мысли мы можемъ указать на сочиненіе Кондорсе: „Наброски исторической картины человѣческаго разума“, гдѣ онъ рѣшаетъ вопросъ о прогрессивномъ совершенствованіи человѣчества. Въ развитіи содержанія идеи прогресса мы теперь наблюдаемъ уже значительный шагъ впередъ. Тогда какъ до XVIII в. идею прогресса прилагали главнымъ образомъ, почти исключительно, къ успѣхамъ человѣческаго знанія, теперь, съ XVIII в., ее начинаютъ прилагать и къ другимъ сторонамъ исторической жизни. Такъ, уже у Кондорсе „дѣло идетъ не объ одномъ умственномъ развитіи: вопросъ поставленъ гораздо шире, хотя научному прогрессу все-таки отводится первое мѣсто“. Получивъ въ философскихъ трудахъ научную обработку, идея прогресса въ это время переходитъ во всеобщее достояніе. И это понятно. Въ такой

вѣкъ, какимъ былъ просвѣтительный, вѣкъ необычайнаго распространенія научныхъ и философскихъ знаній въ обществѣ, такая живая, жизненная идея, какъ идея прогресса, не могла долго оставаться достояніемъ лишь кабинетныхъ ученыхъ. Печальныя событія французской революціи явились новымъ препятствіемъ для развитія идеи прогресса. Ужасы французской революціи заставили общество критически и даже подозрительно отнестись къ идеямъ просвѣтительнаго вѣка. Таже участь постигла и нашу идею. Слѣдствіемъ этого былъ новый упадокъ, новая остановка въ развитіи идеи прогресса. Честь возрожденія идеи прогресса принадлежитъ уже XIX в., и именно трудамъ С. Симона. „Въ большей части ихъ мы находимъ ученіе о прогрессѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самая идея прогресса получаетъ болѣе широкое приложеніе. Такъ С. Симонъ въ своемъ „Введеніи къ научнымъ трудамъ XIX в.“ прилагаетъ ее къ успѣхамъ человеческого ума, а въ „Новомъ христіанствѣ“ идею прогресса онъ не задумался приложить и къ области религіозной. Насколько идея прогресса занимала потомъ умы людей мыслящихъ, въ этомъ мы легко убѣдимся, если заглянемъ, напр., хотя бы въ книгу Карѣва „Основные вопросы философіи исторіи“ (т. I, стр. 259), гдѣ онъ перечисляетъ длинный рядъ сочиненій и ихъ авторовъ, посвящавшихъ вопросу о прогрессѣ значительную долю вниманія.

* * *

На чемъ же основывается вѣра въ прогрессъ?

Коренное стремленіе человека—это стремленіе къ счастью. Но едва-ли нужно говорить, какъ рѣдко это общечеловѣческое стремленіе находитъ свое удовлетвореніе, и какъ часто, наоборотъ, жизнь человека представляетъ рядъ разнаго рода бѣдъ и несчастій. И вотъ „чтобы примирить свою потребность счастья и его недостижимость въ условіяхъ настоящаго времени, современное человѣчество, какъ одно изъ орудій борьбы за существованіе, выработало въ себѣ вѣру въ прогрессъ“. Такъ что съ этой, субъективной точки зрѣнія, вѣра въ прогрессъ представляетъ простую „увѣренность въ томъ, что жизнь человѣчества ведетъ къ увеличенію счастья на землѣ и къ дальнѣйшему гармоническому росту человѣческой личности“.

Отмѣченная основа вѣры въ прогрессъ, какъ это ясно, носитъ характеръ чисто субъективный и апріорный. Но есть основы и нѣсколько иныя, въ которыхъ можно подмѣтить элементъ эмпирической и болѣе или менѣе объективной. Здѣсь мы должны

указать на ту аналогію, которую часто приводятъ въ пользу идеи прогресса. Мы разумѣемъ аналогію между развитіемъ индивидуума и человѣчества. Сознаніе своего развитія, конечно присуще каждому. Для всякаго очевидно, что теперь онъ уже не тотъ, что былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. А человѣку свойственно вообще разсуждать антропонатически. На низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества эта способность проявляется съ особенной силой. Для первобытнаго человѣка, напр., вся природа представляется одухотворенной. Онъ предполагаетъ въ ней такую же жизнь, какъ и въ себѣ самомъ. И вотъ весьма понятно, что идея развитія, подобно тому, какъ и идея причины, была перенесена съ личности человѣка на внѣшній міръ и люди стали искренно вѣрить, что не только индивидуумы, но и все человѣчество, какъ бы одинъ человѣкъ, подчинены одному всеобщему закону развитія, прогресса.

Затѣмъ къ числу основъ вѣры въ прогрессъ относится личный опытъ cadaго индивидуума. Еще наши современники—старички отлично помнятъ, какъ они цѣлые дни тряслись въ таратайкахъ, чтобы добраться до того пункта, куда теперь ихъ доносить паровозъ всего въ нѣсколько часовъ. Неудивительно, потому, что мы часто слышимъ съ ихъ стороны самые лестные отзывы по адресу современной науки. Правда, говорятъ они, наука далеко подвинулась впередъ.—Такимъ образомъ, идея прогресса является уже сознательнымъ выводомъ изъ массы отдѣльных впечатлѣній отъ жизни. Если къ такимъ выводамъ приводить личный опытъ, то еще болѣе—опытъ историческій. „Историческое прошлое человѣка представляетъ очевидные слѣды развитія“—такъ думаетъ, напр., проф. Тарѣевъ. А проф. Карѣевъ уже прямо говоритъ, что „идея эта, т. е. прогресса, внушалась обобщеніемъ историческаго опыта, и развивалась по мѣрѣ того, какъ въ міръ жизни и мысли входили новыя отношенія и новыя идеи, которыя люди считали лучшими, болѣе совершенными, чѣмъ прежнія. Только накопленіе частныхъ наблюденій привело къ общей идеѣ“. Вотъ почему „почти всѣ философы исторіи видѣли смыслъ исторіи въ самомъ общемъ ея теченіи, которое называется прогрессомъ“.

Есть ли прогрессъ въ области нравственной? Вотъ вопросъ, который представляется наиболѣе интереснымъ. Если мы обратимся къ исторіи человѣческой мысли, то увидимъ что вопросъ объ этомъ разрѣшался въ положительномъ смыслѣ. Гердеръ („Идеи по всемірной исторіи“) говоритъ о прогрессѣ въ смыслѣ

развитія въ людяхъ „человѣчности“: въ этомъ смыслѣ исторіи, въ этомъ цѣль дальнѣйшаго развитія человѣчества. Кантъ, также допуская возможность нравственнаго прогресса, говоритъ и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ возможенъ послѣдній. Высоты нравственнаго сознанія и волевой дѣятельности человѣкъ, какъ и все человѣчество, можетъ достигъ только при достаточномъ общемъ развитіи, которое съ точки зрѣнія Канта, въ свою очередь возможно будетъ только подъ условіемъ прогресса соціальнаго, только при извѣстномъ строѣ государства и взаимныхъ отношеній его членовъ. По его мнѣнію, „пока государства всѣ свои силы направляютъ на тщеславныя и насильственныя цѣли приращенія, и такимъ образомъ, безпрестанно придавливаютъ медленный трудъ внутренняго развитія образа мыслей гражданъ и лишаютъ ихъ всякой поддержки въ этомъ, — до тѣхъ поръ ничего нельзя ожидать хорошаго въ этомъ отношеніи... Все же хорошее, что привито не на почвѣ морально хорошаго образа мыслей, есть не что иное, какъ блестящій призракъ несчастія“. Необходимо поэтому, продолжаетъ Кантъ, уничтожить существующій антагонизмъ между различными государствами, „создать единый государственный союзъ человѣчества“, чтобы открыть путь къ осуществленію положительныхъ задачъ человѣчества. „Цѣль прогресса“, — по взгляду нашего русскаго проф. Карѣева, „развитая и развивающаяся личность“, или, по другому опредѣленію, „человѣчность, — полное и всестороннее развитіе силъ, вложенныхъ въ человѣческую природу“. Другой нашъ проф. Гротъ даетъ такое опредѣленіе прогресса: „прогрессъ въ жизни вселенной есть увеличеніе нравственной цѣнности этой жизни, происходящее отъ роста въ ней самосознанія“. Такимъ образомъ, Н. Я. Гротъ и Карѣевъ вслѣдъ за Кантомъ и Гердеромъ также признаютъ возможность нравственнаго прогресса.

Въ частности проф. Карѣевъ старается указать и самые факторы прогресса. Въ историческомъ процессѣ, говоритъ онъ, „мы видимъ два параллельныя теченія: 1) родители передаютъ своимъ дѣтямъ при самомъ рожденіи извѣстныя психическія качества, которыя все болѣе и болѣе закрѣпляются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ“, такъ что „при нормальномъ ходѣ дѣла съ каждымъ новымъ поколѣніемъ люди должны рождаться все съ большими задатками къ умственному, нравственному и соціальному развитію“. 2) „Кромѣ того тѣмъ же дѣтямъ (родители) оставляютъ нѣкоторое надъ — ограниченное наслѣдство въ видѣ міросозерцанія, этики, общественныхъ формъ, постоянно перера-

батываемыхъ послѣдовательными поколѣніями“. Отсюда, „съ каждымъ новымъ поколѣніемъ должна все болѣе и болѣе утверждаться такая обстановка всей жизни человѣка, при которой личность получаетъ все болѣе и болѣе интеллектуальное, моральное и социальное воспитаніе“. Переработка этой обстановки или надъ—органической среды совершается критической дѣятельностью мысли, а условіемъ для воспитанія служить „совмѣстная жизнь особей.., способныхъ къ самому широкому взаимодействию“.

Послѣ сказаннаго чѣмъ то страннымъ звучитъ заявленіе Шопенгауэра, что въ исторіи все *eadem, sed aliter*“; и Меншикова—„безконечное развитіе... кощунственная бессмыслица“, а теорія прогресса придумана „для оправданія ложной цивилизаціи“ *).

Зачѣмъ существуютъ заупокойныя обѣдни и сорокоусты? Въ № 34 „Прибавленія къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ за настоящій 1905 годъ, въ отдѣлѣ „извѣстія и замѣтки“ помещена маленькая замѣтка, въ которой разсказывается, какъ одному Новгородскому священнику былъ предложенъ вопросъ: „батюшка, зачѣмъ существуютъ эти заупокойныя обѣдни, эти сорокоусты? У васъ, простите, вѣдь выходитъ такъ, что за деньги покупается царство небесное. Богатый имѣетъ средства и заказываетъ сорокоустъ на пользу души усопшаго, а бѣднякъ?...“ Батюшка отвѣтилъ, что церковь молится за всѣхъ усопшихъ, не различая богатыхъ отъ бѣдныхъ, а если богатые заказываютъ особые обѣдни и сорокоусты, то дѣлаютъ они это въ знакъ признательности къ усопшимъ роднымъ.

Отвѣтъ хорошъ, но онъ не полонъ. Признательность то признательность, да зачѣмъ она? приноситъ ли она какую пользу усопшимъ? Тѣмъ болѣе, что и вопросъ поставленъ прямо: „у васъ за деньги покупается царство небесное“... Очевидно, вопрошающій не сомнѣвается въ догматической сторонѣ вопроса объ общемъ поминовеніи усопшихъ, его смущаетъ,—зачѣмъ эти частные сорокоусты и заупокойныя обѣдни? Умираютъ два человѣка, оба большіе грѣшники, но одинъ богачъ, а другой бѣднякъ. Признательные родственники богатаго дѣлаютъ за него вклады въ монастыри, заказываютъ сорокоусты и обѣдни, а родственники бѣднаго не могутъ этого сдѣлать, должны ограничиваться общимъ поминовеніемъ церкви всѣхъ усопшихъ православныхъ хри-

---

*) Вѣра и Раз.

стіанъ. Что-же? Есть ли въ частныхъ сорокоустахъ за душу богатаго какая либо польза ему или нѣтъ? Если нѣтъ, тогда зачѣмъ эти сорокоусты, а въ знакъ признательности можно использовать деньги на какія либо благотворительныя дѣла. А если есть, тогда признательные родственники богатаго этими особыми обѣднями доставляютъ ему царство небесное, или тоже за деньги покупаютъ царство небесное.

Нѣтъ, одною признательностью богатыхъ родственниковъ нельзя объяснить служеніе сорокоустовъ и заупокойныхъ обѣдней. Да и смущающіеся этимъ вопросомъ не ограничатся такимъ отвѣтомъ, а смущающихся имъ очень много, особенно изъ интеллигентовъ. Пишущему эти строки тоже приходилось рѣшать этотъ вопросъ смущающихся интеллигентовъ. Разъ задавалъ намъ этотъ вопросъ чиновникъ, спрашивалъ и сельскій учитель. Навѣрное, и другимъ собратіямъ нерѣдко приходится рѣшать этотъ вопросъ. Хотимъ рассказать, какъ мы, по нашему слабому разумѣнію, рѣшали его.

Мы говорили вопрошавшимъ: великую пользу душамъ усопшихъ приносить нарочитое служеніе за нихъ обѣдней и сорокоустовъ, такъ какъ оно доставляетъ имъ царство небесное, или только приближаетъ къ нему. или хотя немного ослабляетъ мученіе. Больше или меньше служеніе обѣдней здѣсь не при чемъ, ибо въ очахъ Божіихъ одна небольшая панихидка, одна обѣдня, приносимая отъ чистаго сердца и отъ нужды, значитъ гораздо болѣе, чѣмъ множество обѣдней, сорокоустовъ и вкладовъ, дѣлаемыхъ отъ большого богатства, но не отъ чистаго сердца и любви. Плата тоже не при чемъ: она не болѣе, какъ благодарность за труды. Слѣдовательно, покупки или продажи царства небеснаго въ служеніи сорокоустовъ нѣтъ.

При этомъ мы отсылали вопрошавшихъ къ Евангелію. Припомните, говорили мы, притчу о богатомъ и Лазарѣ и вдовицу съ ея двумя лептами. Въ притчѣ находящійся въ аду богачъ молитъ Авраама послать къ нему Лазаря: „отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой, ибо я мучусь въ пламени семъ“ (Лк. XVI гл. 24 ст.). Вотъ и мы служимъ за усопшихъ обѣдни и сорокоусты. И если наше служеніе послужитъ имъ, какъ капля холодной воды на языкѣ мучающагося Евангельскаго богача, то и это доставитъ имъ великое утѣшеніе. А если усопшій не такой великій грѣшникъ, какъ Евангельскій богачъ (что знаетъ Господь), то наше служеніе соро-

коустовъ доставить ему большее утѣшеніе, а можетъ быть отверзеть и входъ въ царство небесное. Количество служеній здѣсь не при чемъ: оно не мѣра длины, убавляющая грѣшнику пространство отъ ада до рая, и не мѣра вѣса, перетягивающая его грѣхи. И малое, даже малѣйшее, нарочитое служеніе за душу усопшаго, дѣлаемое отъ нужды по вѣрѣ, любви и усердію, въ очахъ Божіихъ важнѣе дорогихъ вкладовъ и многихъ сорокоустовъ, приносимыхъ отъ большого богатства безъ названныхъ добродѣтелей. Евангельская бѣдная вдовица положила въ сокровищницу храма двѣ лепты, однако жертву ея Богъ принялъ выше дорогихъ жертвъ богачей. Онъ сказалъ про нее: истинно говорю вамъ, что эта бѣдная вдова больше всѣхъ положила; ибо всѣ тѣ отъ избытка своего положили въ даръ Богу, а она отъ скудости своей положила все пропитаніе свое, какое имѣла (Лк. XXI гл. 3 и 4 ст.). А развѣ найдется такой бѣднякъ, который бы въ нарочитое поминовеніе своихъ усопшихъ родственниковъ не могъ заказать, если не обѣдни, то хотя панихиды, или помянуть на проскомидіи на готовой литургіи, т. е. принести за души ихъ свою лепту? Но пусть будетъ такой бѣднякъ, тогда онъ можетъ попросить своего священника: „батюшка! мнѣ хочется помянуть своихъ усопшихъ родныхъ, а денегъ на служеніе нѣтъ, будьте добры, —отслужите за нихъ панихидку или помяните на проскомидіи!“ Неужели найдется такой священникъ, который не уважитъ просьбы бѣдняка, а потребуетъ съ него платы. Еще далѣе: пусть найдется такой корыстный священникъ, тогда самое желаніе бѣдняка Богъ зачтетъ за поминовеніе.

Что же касается усопшихъ никому невѣдомыхъ, у которыхъ нѣтъ никакихъ живыхъ родственниковъ, могущихъ помянуть ихъ, или умершихъ православныхъ въ прежніе вѣка, съ нихъ достаточно общей молитвы церкви за усопшихъ. А церковь молится „за всѣхъ отъ вѣка въ правовѣрїи, надеждѣ воскресенія, жизни вѣчныя и Божія общенія усопшихъ православныхъ отецъ и братій нашихъ“. (Арх. Еп. В.).

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ.

Спутникъ въ Святую Землю. Съ 50 рисунк. и 3 планами въ текстѣ и двумя отдѣльными приложеніями: картою Палестины и планомъ Іерусалима и его окрестностей. В. Н. Хитрово. ц. 75 коп., въ перепл. 1 руб.

Типы современныхъ русскихъ паломниковъ въ Св. Землю. (Чтеніе о Св. Землѣ, вып. 72). Проф. А. А. Дмитріевскаго. ц. 15 к.

Святая Земля для христіанства и Россіи. (Чтеніе о Св. Землѣ, вып. 71). В. С. Ильинскаго. ц. 15 коп.

Повѣдка на Синай въ 1902 году. Путевые наброски съ 33 рис. Проф. А. А. Васильева. ц. 1 руб.

Складъ изданій въ Канцеляріи Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, С. Петербургъ, Вознесенскій просп., 36. Книги высылаются съ наложеннымъ платежемъ. Выписывающіе изъ склада на 1 руб. и больше—за пересылку не платятъ.

Каталогъ изданій Палестинскаго Общества и брошюръ для веденія народныхъ чтеній и собесѣдованій о Святой Землѣ высылаются бесплатно.

Отвѣты редакціи.

Свящ. Н. С—ну. Ваша статья, какъ Вы понимаете, призапоздала.

Свящ. А. О—скому. Вамъ извѣстно, конечно, что явленіе, на которое вы указываете, и инныя подобныя, оцѣниваются со стороны ихъ состоятельности. И я твердо убѣжденъ, что о нихъ придется сказать слово свое и духовенству. А пока будемъ дѣлать, что должны дѣлать.

Псаломщику С. Л—ну. Тоже самое напишите въ прозѣ.

Содержаніе № 24.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Епархіальныя извѣстія.—Движеніе и перемѣны по службѣ.—Праздныя вакансіи.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Слова—Изъ жизни и исторіи епархіи.—Къ событіямъ дня.—Къ прекращенію занятій въ семинаріи. По поводу одного проекта.—Послѣдній итогъ.—Бережнаго и Богъ бережетъ.—Освященіе храма въ Желобяхъ.—Хроника епархіальной жизни.—Сообщенія.—Божественное происхожденіе страданій.—Взглядъ на трудъ въ перво-христіанской общинѣ.—Прогрессъ.—Зачѣмъ существуютъ заупокойныя обѣдни и сорокоусты.—Новая изданія.—Отвѣты редакціи.

---

1 Ноября 1905 г. Печатать разрѣшается.

Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серій*.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи *Владиміръ Финиковъ*.

Номеръ запоздалъ вслѣдствіе задержки въ высылкѣ бумаги въ типографію.

НОВГОРОДЪ.

Губернская Типографія

1905.